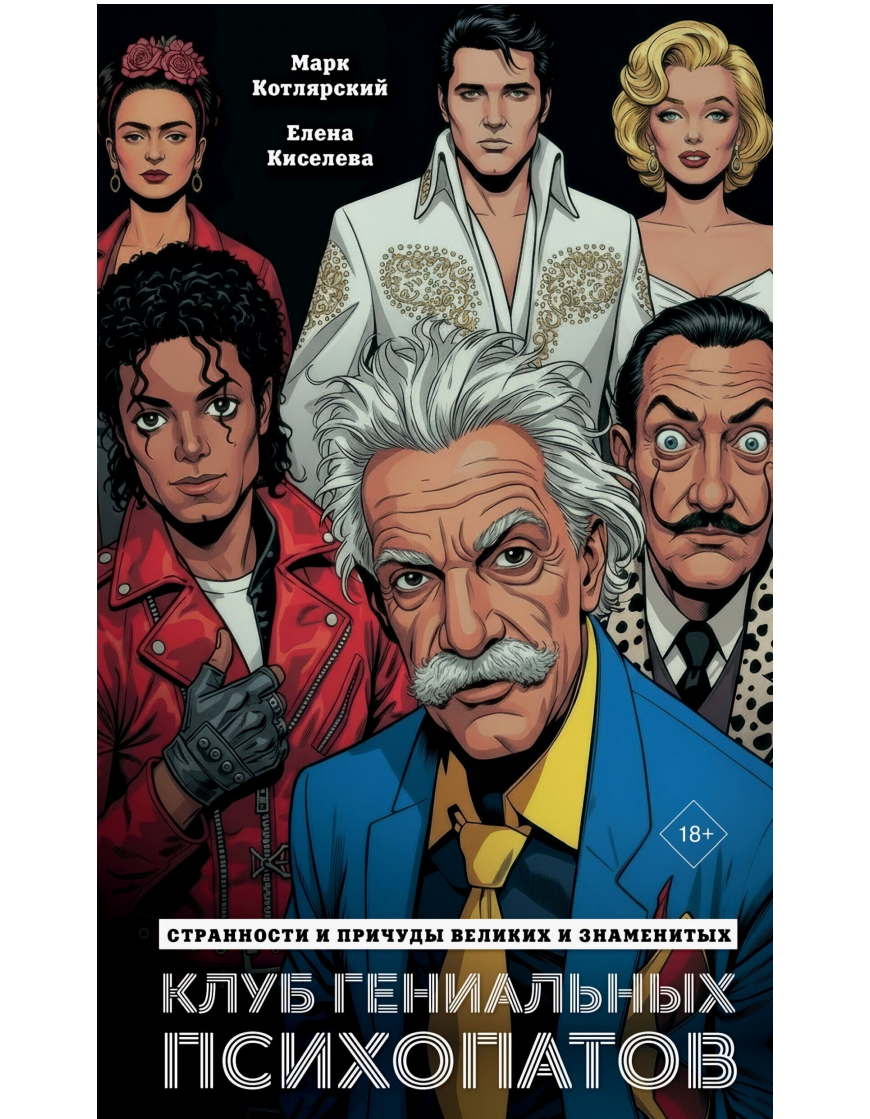

Марк
Котлярский

Елена
Киселева

18+

СТРАННОСТИ И ПРИЧУДЫ ВЕЛИКИХ И ЗНАМЕНИТЫХ

КЛУБ ГЕНИАЛЬНЫХ ПСИХОПАТОВ

Елена Николаевна Киселева
Марк Котлярский
Клуб гениальных психопатов.
Странности и причуды
великих и знаменитых
Серия «На позитиве. Превращаем
проблемы в возможности»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73190378

М. Котлярский. Е. Н. Киселева. Клуб гениальных психопатов.

Странности и причуды великих и знаменитых: ООО «Издательство

«Эксмо»; Москва; 2026

ISBN 978-5-04-239175-0

Аннотация

Почему великие люди кажутся нам такими странными? Возможно, именно их непохожесть на остальных — ключ к гениальности?

- Бетховен был убежден, что бритье лишает его творческой удачи, поэтому неделями ходил небритым.
- Паганини оттачивал мастерство, играя на скрипке среди могил, провоцируя самые зловещие слухи.

- Агата Кристи придумывала свои детективы, лежа в ванной с очень горячей водой, и поедая яблоки одно за другим.

Эта книга – коллекция удивительных историй о гениях, чьи «странности» становились источником вдохновения и великих открытий. После каждой главы – профессиональный разбор от кандидата психологических наук Елены Киселевой, раскрывающий, как внутренние конфликты и травмы порождают уникальные таланты и нестандартное мышление.

Благодаря мастерству Марка Котлярского, лауреата литературной премии им. Юрия Нагибина, шокирующие факты превращаются в инструмент самопознания. Вы сможете заглянуть в душу гениев и увидеть: за блеском таланта часто скрываются боль, одиночество и борьба за право быть собой.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Предисловие к предисловию	8
Предисловие. «Единица странностей и причуд»	12
Глава 1. Приятного аппетита	16
Элвис Пресли на кушетке у психолога.	17
Человек, который съел себя слишком быстро	
Сильвия Плат на кушетке у психолога.	22
Портрет гениальной обжоры	
Аппетит к безумию: что ели (и как страдали)	25
великие...	
Психология гениального обжоры	32
Глава 2. Странно это, странно это...	44
Детство и внутренний ребенок	46
Сальвадор Дали на кушетке у психолога	48
Странности гениальных психопатов	53
«Школьные годы чудесные», или Как гении	59
учились в школе	
О творческих решениях гениальных	64
психопатов	
О таинственных ритуалах, или Как гении	67
вызывали вдохновение	
Как писали гениальные психопаты?	80
Поговорим про почерк...	
Великие собиратели великих мелочей	91

Хочу и буду: хобби гениальных психопатов	98
Если одарен – то во всем? Психология многих талантов	102
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Марк Котлярский, Елена Киселева Клуб гениальных психопатов. Странности и причуды великих и знаменитых

© М. Котлярский, Е. Киселева, текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Он такой же, как мы, – только голый и без хвоста...

Редьярд Киплинг, «Маугли»

Он, как вы и я, совсем такой же...

Владимир Маяковский, «В. И. Ленин»

Они изменили мир – и сами стали его аномалией.

Гении, которые не ели, а ритуально потребляли. Творили на фоне бесконечных измен. Страдали от фобий, долгами

жили, как искусством, и любили с разрушительной страстью. Среди них – и настоящие психопаты с улыбкой Будды, и хрупкие визионеры на грани нервного срыва.

Наша книга – экскурсия в Клуб гениальных психопатов. Здесь собрались политики с бредом величия, писатели с галлюцинациями, математики с неконтролируемой тягой к кофе...

Это рассказ о том, какой может быть гениальность – темной, пугающей, живой и неотразимой!

Предисловие к предисловию

Каждый творческий человек представляет собой дуальность или синтез противоречивых способностей.

Карл Густав Юнг

Когда мы говорим «гений», первое, что приходит в голову, – выдающийся интеллект, уникальные способности и прорывные идеи. Гений – это тот, кто знает и чувствует больше, глубже, шире. Но, с другой стороны, история гениальности – это всегда еще и история личностных парадоксов, эксцентричности, деструктивных привычек и нередко поведения, граничащего с рамками нормы или вовсе выходящего за них.

В научной и популярной психологии давно отмечается явление, которое называют либо парадоксом гениальности, либо синдромом Тора, – это идея, что высокий интеллект или исключительное творческое мышление нередко идут рука об руку с выраженной эмоциональной нестабильностью, обсессивно-компульсивными чертами, маниакальными эпизодами или даже признаками психических расстройств. Некоторые исследователи предполагают следующее: чтобы мыслить нестандартно, нужно быть нестандартным – не просто мыслить за рамками, а жить за пределами общепринятой нормы. Исследования креативности и нейропсихологии творче-

ства указывают на повышенную активность ассоциативно-го мышления у творчески одаренных людей. Однако с этим часто идут в комплекте сложности с регуляцией внимания, импульсивность, склонность к сверхценным идеям, а иногда – прямо выраженные психопатоподобные или аффективные симптомы. Это не мешает гению творить – наоборот, именно на этом пограничном напряжении рождаются наиболее смелые и масштабные идеи.

Поэтому – гениальные психопаты. Конечно, не в клиническом, оскорбительном или буквальном смысле слова «психопат», скорее как образ, собирательный и немного ироничный. Это метафора человека, у которого путь к идее проложен через ритуал, страсть или внутреннюю одержимость. Это люди, чья одаренность настолько высока, что требует особых условий – иногда странных, иногда трудных, но всегда напряженных.

Эта книга – о людях на грани. Между дисциплиной и навязчивостью, между одаренностью и манией, между повседневностью и культом творчества. Это история не диагнозов, а исключительности. Потому что, как показывает опыт, гениальность – далеко не всегда гармония. Гораздо чаще это несовершенство, доведенное до совершенства; совокупность противоречий, внезапно рождающая гармонию; миф, воплощенный в реальность.

...Есть старый, старый, потрепанный, как портфель, анек-

ДОТ.

Группа людей, опасливо поглядывая друг на друга, стоит у края высокой крепостной стены. Никто не решается испытать судьбу, хотя обещаны немалые деньги тому, кто безо всяких приспособлений решится сигануть вниз.

Внезапно раздается крик, и чье-то тело стремительно летит с головокружительной высоты.

О чудо: счастливчик не разбивается вдребезги, на нем нет ни царапины. Его окружают многочисленные репортеры:

– Вы обладатель крупной суммы денег!

– Как вы решились прыгнуть?

– Как вы намерены распорядиться выигрышем?

– Вы чувствуете себя победителем?

Победитель отряхивается и грозит кулаком кому-то там, наверху:

– Ей-богу, я убью того, кто меня оттуда толкнул!

Увы, жизнь многих великих и знаменитых схожа с этим незамысловатым анекдотом: на тот или иной поступок, на ту или иную стезю их толкали фобии, странности характера или особенности организма, о которых они не знали, или знали, просто не могли с ними справиться. И, послушные зову страха и ужаса (перед чем-то или кем-то), летели «вниз», но... оказывались в конечном счете победителями.

У некоторых миг торжества был действительно мигом, а у кого-то растягивался на долгие годы – все зависело от места,

времени и обстоятельств.

Чьи-то фобии или причуды были известны историкам и биографам, чьи-то оказывались глубоко скрытыми от праздных соглядатаев.

Создавая сей путеводитель, авторы преследовали одну, но весьма пламенную цель: доказать, что великие и знаменитые – как и все, слеплены из плоти и крови. И как знать, может, кто-то из читателей, примерив на себя изложенные в книге странности, обнаружит в себе зачатки собственной неповторимости?

Сие вовсе не возбраняется, и порукой тому – предлагаемый путеводитель.

Из двух зол – хронология и тематика – мы выбрали меньшее: тематику, что дало возможность искусно лавировать в бурном море людей и событий, не ориентируясь на строгую историческую последовательность.

Кроме того, одному из авторов пришлось стать истинным Вергилием в нашем путешествии: это Елена Киселева, психолог; именно она выведет читателей из лабиринта фактов и страстей на свет.

Предисловие. «Единица странностей и причуд»

Все мы иногда сходим с ума. А ты?
Альфред Хичкок

...Если бы существовала некая единица странностей и причуд великих и знаменитых, то, на наш взгляд, ее смело можно именовать «один Гоголь»: великий русский писатель являл собой истинное вместилище фобий и комплексов – от странного равнодушия к женщинам до патологического пристрастия к еде.

Кстати, последнее внимательно рассмотрел и проанализировал Михаил Зощенко в своей книге «Повесть о разуме».

«...Психика Гоголя, с чертами огромных противоречий, чрезвычайно сложна, – подчеркивает Зощенко. – И, видимо, добиться исчерпывающего анализа не представляется возможным без некоторых документов, каких мы не нашли в записях современников Гоголя...»

Изучив все имеющиеся в его распоряжении документы и источники, писатель поставил своему «коллеге» следующий диагноз: психоневроз.

«Черты этого психоневроза, – замечает он, – отчетливо видны на протяжении всей жизни Гоголя. Эти болезненные черты были замечены окружающими в раннем его дет-

стве...»

Так что начнем с того, чем великий писатель был снедаем всю жизнь, — тревоугодия. Да и не он один...

ANNE BOLEYN

BASQUIAT

BOB MARLEY

BRUCE LEE

CHARLOTTE BRONTË

RENE MAGRITTE

KURT COBAIN

MARIE ANTOINETTE

MARIE STUART

GRACE KELLY

VIRGINIA WOOLF

CLAUDE MONET

KEITH HARING

PABLO PICASSO

YAYOI KUSAMA

Глава 1. Приятного аппетита

или «Вип-персоны» – гурманы, обжоры и противники здорового питания

Про тех, кто поглощал пищу не ради жизни, а ради культа: компульсивные гурманы, молчаливые анорексики и гении, питавшиеся тухлой рыбой и вдохновением.

Всем известен знаменитый немецкий афоризм *Der Mensch ist, was er isst*, что в переводе означает *«Человек есть то, что он ест»*.

Фраза, выдернутая из рецензии немецкого философа Людвига Андреаса Фейербаха (1804–1872) на книгу немецкого философа и физиолога Якоба Мошотта (1822–1893) *«Популярное учение о питательных продуктах»* (1850), стала настолько крылатой, что живет века собственной жизнью, вне зависимости от автора и от его рецензии.

Можно вспомнить по случаю и афоризм Ильфа и Петрова: *«Не делайте из еды культа»* или Оскара Уайльда: *«После хорошего обеда можно простить кого угодно, даже своих родственников...»*

Но, как говорится, шутки в сторону.

Элвис Пресли на кушетке у психолога. Человек, который съел себя слишком быстро

We're caught in a trap, I can't walk out...

(«Мы попали в ловушку, я не могу из нее выйти...»)

из песни Suspicious Minds (1969) Элвис Пресли

Он был Королем – и умер... на унитазе с бургером в руке. Самый знаменитый человек XX века, голос Америки, который съел самого себя. Гений, пленник славы и человек, не выдержавший тяжести собственного мифа. Ушел в 42 – слишком рано, слишком странно...

Элвис Аарон Пресли (Elvis Aaron Presley) – американский певец и актер, родился 8 января 1935 года в Тюпело, штат Миссисипи, умер 16 августа 1977 года в Мемфисе, штат Теннесси. Часто его называют Королем рок-н-ролла или просто Королем (The King). Он считается одним из самых влиятельных артистов XX века и символом американской поп-культуры.

«Эй, парень, возвращайся водить грузовик!»

После окончания школы в 1953 году Элвис устроился работать водителем в компанию Crown Electric в Мемфисе: развозил электротовары и одновременно мечтал о музыкаль-

ной карьере. Именно в это время он записал свою первую демозапись, якобы для матери, но на самом деле – чтобы его заметили.

ELVIS PRESLEY

Интересный исторический штрих: позже, когда он начал выступать, многие считали его движения на сцене слишком непристойными, и однажды его даже окликнули со сцены: *«Эй, парень, возвращайся водить грузовик!»* На это Элвис ответил не словами, а всем последующим триумфом – от звезды рок-н-ролла до вечного короля.

И именно с этого стартовал его путь к легенде.

Элвис начал свою карьеру в середине 1950-х годов, подписав контракт с лейблом Sun Records. Его стиль объеди-

няет элементы кантри, блюза, госпела и ритм-энд-блюза, благодаря чему он стал одним из основоположников рок-н-ролла. Это Элвис Пресли спел *Can't Help Falling in Love*, *Jailhouse Rock*, *Love Me Tender*, *Hound Dog*, *Suspicious Minds*, *Heartbreak Hotel*. Не все песни написаны лично им, но его стиль и исполнение заставляли их звучать по-новому.

Элвис Пресли производил на женщин впечатление почти гипнотическое – не просто сексуальное, а глубоко эмоциональное, инстинктивное, словно пробуждающее доисторическую память о герое, который и завоеует, и споет, и обнимет, и спасет. Его пластика и голос действовали на женскую аудиторию сильнее любого рационального аргумента: сочетание опасного и ранимого, почти мальчишеской нежности и животной телесности создавало образ мужчины, в которого не просто влюбляются – в котором ищут ответ на то, что такое желание. Он не столько нравился, сколько врезался в память – взглядом из-под ресниц, медленным движением бедер, голосом, в котором можно было утонуть, как в теплой ванне из молока и меда. При этом он никогда не был агрессивным – напротив, его сексуальность была, скорее, отражением, Элвис не навязывал себя, а словно спрашивал: «Ты хочешь, чтобы я был таким?» И женщины – тысячи, миллионы – хором отвечали: «Да, именно таким». Его обожали не только за красоту, а за то, что в нем чувствовалась внутренняя ранимая пустота – и многим хотелось ее заполнить. Элвис волновал, поскольку был не только мужчиной, но и боль-

шой эмоциональной проекцией – в нем можно было увидеть и любовника, и потерянного мальчика, и своего особенного кумира.

Элвис Пресли, если рассматривать его не как икону поп-культуры, а как человека с живой, пугающе уязвимой психикой, – это классический случай личности, раздавленной собственным мифом. Мы видим образ короля сцены, а за яркими комбинезонами, волнующими движениями бедер и миллионами влюбленных глаз, направленных на него, прятался человек с выраженной тревожностью, нарушенной идентичностью и, как ни парадоксально, глубокой потребностью быть безусловно любимым. Он родился в бедной семье, потерял брата-близнеца буквально при рождении, а позже – мать, с которой был связан болезненно тесной связью. Он рос внутри религиозного Юга, между строгим моральным кодом и ощущением собственной инаковости, – это внутреннее расщепление сделало его особенно чувствительным к оценке. Элвис был интровертным по сути и эксгибиционистом по долгу харизмы. Он не выбирал образ – образ выбрал его. И когда этот образ начал пожирать самого Пресли, психологическая защита приняла форму, которая поначалу казалась безобидной, – еда.

Она стала способом хоть на короткое время отменить «сцену», заглушить аплодисменты в голове, снять давление с роли, в которую он больше не верил. Его легендарный сэнд-

вич с арахисом, бананом и беконом был одновременно и гастрономическим курьезом, и симптомом: как если бы через еду он пытался воссоздать иллюзию защищенного детства, которого не было.

Постепенно эти эпизоды утешения с помощью еды становились все более отчаянными, сопровождаясь медикаментозной седацией, сменами настроения, физическим разрушением. Элвис умер в туалете – факт, кажущийся почти гротескным, если не вспоминать, что он был один, в домашнем халате, в ожидании, что хоть сейчас ему позволено просто быть самим собой, а не Королем. И умер не от еды. А от невозможности быть самим собой.

Сильвия Плат на кушетке у психолога. Портрет гениальной обжоры

Я не помню, что именно ела, но уже после первого кусочка мне стало гораздо легче. И тогда мне пришло в голову, что все мои тревоги вполне могли возникнуть из той глубокой пустоты, что звенела во мне вместо желудка.

Сильвия Плат, «Под стеклянным колпаком»

Сильвия Плат была поэтессой. И женщиной. И печальной девочкой из Бостона, которая слишком много думала и – самое страшное – слишком тонко чувствовала все, что с ней происходило. Она родилась, как это часто бывает у героев нашей книги, с прямым доступом в ад: короткое замыкание между мозгом и чувствами, между бытием-в-мире и невозможностью это бытие вытерпеть.

Внешне она была весьма приличной: умница, красавица, умела стирать, жарить яичницу и цитировать английских метафизиков не моргнув глазом. Но внутри у нее жужжало что-то такое, не выключавшееся даже ночью. Потому она очень рано научилась разговаривать со злом внутри себя – стихами. А когда стихи не помогали, она ела. Или – не ела вовсе. Или пекла пирог, чтоб потом тихо выбросить его, не дожи-

даясь гостей. Контроль, боль, сахар, бессонница, стихи – все это у нее было связано в один узел. Развязывать нельзя: все развалится.

Когда у человека болит душа, он идет в кафе, пьет кофе и надеется, что пройдет. Когда болит душа у гения – он пишет роман и умирает. Сильвия Плат успела и то, и другое.

Ее единственная проза – «Под стеклянным колпаком» – это литературный эквивалент попытки самоубийства, в которой кто-то (пока еще) остался жив. С иронией, с девичьими платьями, с подложенной под голову подушкой – и с полным осознанием, как мало в мире воздуха. А посмертный сборник стихов «Ариэль» стал чем-то вроде поэтической записки на зеркале: вот вам, понимайте, пока не стало поздно.

Она не вписывалась – ни в светскую жизнь, ни в патриархальный уют, ни в профессию, ни в материнство. Даже в любовь – не вписывалась. Муж ее Тед Хьюз, тоже поэт, в какой-то момент ушел – и после этого Сильвия стала как бутылка, из которой вынули пробку; как шар, из которого вышел воздух.

Она писала – и пекла. Жаловалась в дневниках, что толстеет от тоски. Говорила, что ест не от голода, а чтобы «заглушить то, что шумит внутри». Обжорство? Да, наверное. Но это было переедание гения, который заедает бессилие собственной сверхчувствительности.

Сильвия Плат – икона гениальных обжор. Святая покровительница тех, кто слишком умен, слишком тонок, слыш-

ком чувствителен, чтобы спокойно жить. И слишком талантлив, чтобы просто исчезнуть незаметно...

Как человек чувствует — так он и ест.

А человек гениальный чувствует слишком — и ест, соответственно, странно. Беспорядочно, фетишистски, как в трансе или, наоборот, с патологической внимательностью к текстуре масла. Гении вообще с едой обращаются как с молитвой, с утешением или с оружием. Кто-то сосет вишни, замоченные в водке, кто-то прячет в шкафу медовые лепешки «на случай литературного припадка». Кто-то не ест неделями. Кто-то кормит свою музу лягушачьими лапками, а после блюет от чувства вины.

Каждому — своя гастрономическая инверсия. Потому что даже у гения желудок — продолжение души. Вот несколько совершенно реальных случаев. Смеяться не запрещается, но списки диагнозов лучше держать под рукой.

Аппетит к безумию: что ели (и как страдали) великие...

Смит-Стэнли, 14-й граф Дерби¹, на протяжении всего времени, что он работал, постоянно посасывал вишни, пропитанные водкой.

Джеймс Фенимор Купер в аналогичном случае держал при себе медовые лепешки, которые непрерывно ел.

Лорд Байрон не мог писать, не вдыхая запаха трюфелей. И потому, когда сидел за письменным столом, его карманы всегда были набиты именно трюфелями.

Оноре де Бальзак взял себе за правило: прежде чем садиться за письменный стол, выпивать как минимум 5–7 чашек кофе.

Также любителем хорошего кофе считался Вольтер: по свидетельству очевидцев, он в день мог употребить до 50 чашек этого напитка.

¹ Эдуард Джордж Джефри Смит-Стэнли, 14-й граф Дерби, – британский государственный деятель, премьер-министр Великобритании. До настоящего времени остается человеком, дольше всех возглавлявшим Консервативную партию Великобритании.

Чарльз Диккенс слыл педантом: во всяком случае, после каждых пятидесяти написанным им строчек педантично выпивал стакан горячей воды.

Николай Васильевич Гоголь, обращаясь к Николаю Данилевскому, называл ресторан не иначе как «храмом» и... даже «храмом жратвы». Те, кто знал его еще в отрочестве, вспоминали: «В карманах брюк у него постоянно имелся значительный запас всяких сладостей – конфет и пряников. И все это по временам, доставая оттуда, он жевал, не переставая, даже в классах во время занятий...»

Александр Дюма-отец слыл не только известным писателем, но и неистовым гурманом и обжорой. Обожая давать лукулловы пиры, он отличался и непревзойденным мастерством кулинара.

Говорят, попав в Россию, Дюма поселился у гражданской жены поэта Некрасова Авдотьи Панаевой. И тут, как говорится, писатель почувствовал себя в своей тарелке в прямом и переносном смысле слова: много гулял, ел, веселился. К каждому его приезду хозяйка готовила курник, который Дюма счел самым отменным русским блюдом. Авдотья Панаева была гостеприимной хозяйкой, но необузданное дружелюбие и аппетит французской знаменитости ее пугали. Для того чтобы раз и навсегда прекратить визиты Дюма, она ре-

шила его перекормить: ботвиньей, малосольными огурцами, поросенком с гречневой кашей и расстегаями, рыбой. И Дюма не пропускал ни одного блюда! Он съел все до последней крошки и попросил еще – этому человеку ничего не было страшно.

Авдотья Панаева записала в дневнике:

«Я думаю, что желудок Дюма мог бы переварить мухоморы».

Агата Кристи, легендарная английская писательница, создавшая образ непревзойденного детектива Эркюля Пуаро, вспоминала, что с детства была склонна к обжорству: «Принимая во внимание количество пищи, которое я поглощала в детстве и юности (потому что всегда была голодна), просто не могу взять в толк, как мне удалось остаться такой тощей». 12-летней девочкой Агата Кристи даже соревновалась в «пищеварительной доблести» с 22-летним молодым человеком: «По части устричного супа он меня обгонял, но в остальном мы дышали друг другу в затылок. Мы оба ели сначала вареную индейку, потом жареную и четыре или пять кусков говяжьего филе. Потом мы принимались за сливовый пудинг, сладкий пирог и бисквит. После этого шли печенья, виноград, апельсины, сливы и засахаренные фрукты. И наконец, весь оставшийся день из кладовой приносили горстями шоколад разных сортов, кому что понравится».

Друг Пушкина, прекрасный поэт и остроумец Петр Вя-

земский писал: «Пушкин вовсе не был лакомка... но на иные вещи был ужасный прожора. Помню, как в дороге съел он одним духом 20 персиков, купленных на Торжке. Моченым яблокам также доставалось изрядно». Пушкин был знаком и с популярной в его времена французской кухней и, тем не менее, любил простую, можно даже сказать деревенскую, русскую. «Гений чистой красоты» Анна Керн вспоминает, что мать Пушкина Надежда Осиповна заманивала сына к обеду печеным картофелем, «до которого Пушкин был большой охотник». Очень любил яблочный пирог, который готовили в доме его соседей Осиповых-Вульф. Ну а все блюда няни Пушкина ценились не только им самим, но и его друзьями. Из сладкого Александр Сергеевич очень любил варенье из крыжовника.

Иван Андреевич Крылов, баснописец, не просто любил поесть – это был обжора, не уступавший Дюма-отцу, а в чем-то даже его превосходивший. Об умении баснописца хорошо откусывать ходили настоящие легенды, кстати, основанные на вполне реальных фактах. Крылов, к примеру, мог съесть в один присест до 30 блинов с икрой. А блины эти были «величиною в тарелку и толщиною в палец». Устриц съедал не менее 80 штук. Любил как «основательные» блюда – уху с расстегаями, жареную индейку, телячьи отбивные котлеты, поросенка под сметаной, так и съестные «мелочи» – огурчики, бруснику, сливы. Из напитков предпочитал квас. Инте-

ресно, что Крылов совершенно не наедался на царских обедах, после которых ехал потчеваться в ресторан, а дома его сразу ждал ужин. Конечно, разве мог он насытиться пятью ложками супа, пирожками размером с грецкий орех, крылышком индейки и десертом в пол-апельсина с желе и вареньем внутри?!

Светлейший фаворит Ее Величества Екатерины князь Григорий Александрович Потемкин держал посуду только из чистого серебра и чаны-кастрюли, куда входило по двадцать ведер жидкости. В них князю готовили, например, уху из аршинных (70 см) стерлядей и кронштадтских ершей.

Стол его считался в екатерининскую эпоху баснословным, а повара – «чудотворцами». В постный день подавали рыбные блюда, ни вкусом, ни запахом не отличимые от жаркого из дичи, баранины или свинины. Его повар-француз изобрел блюдо, ставшее в ту пору легендарным: «бомбу а-ля Сарданапал» – своеобразную котлету, сделанную из фарша всевозможной дичи. Особую слабость светлейший князь питал к гусяной печени. Повара размачивали ее в меду и молоке для увеличения размера. «Вулканизировали» до невероятного объема и свиную печень.

Жерар Депардьё, у которого есть свой ресторан в Париже, если он не на съемках, всегда приходит проверить работу кухни, делая это единственно верным способом – снимает пробу. Подавая хозяину салат и сразу два блюда, повар знает,

что тот обязательно попросит добавку.

— Я не считаю количество еды, которое съедаю за вечер, — говорит Депардьё. — Иногда и кусок в горло не лезет, а иногда, когда у меня вдохновение, могу и пять блюд проглотить — я обжора и не вижу в этом ничего страшного. Мне нравится готовить, мне нравится пробовать то, что получается у меня и у других, и сытная пища будет последним, от чего откажусь, если здоровье станет совсем ни к черту.

Отто фон Бисмарк, канцлер Германии, как выясняется, тоже был не дурак закусить. И слава эта не уступала его политической славе. К примеру, в меню ресторанов и в поваренных книгах встречаются филе морского языка а-ля Бисмарк и одноименный рулет (*Bismarckkeiche*). Даже в Италии еще при жизни «железного канцлера» вошел в моду его любимый говяжий стейк с глазуньей из двух яиц — *bistecca alle Bismarck*.

Уинстон Черчилль, судя по фотографиям, питался неплохо. Скажем, историкам удалось раздобыть некое меню, которое относится ко времени официального визита британского премьер-министра в США в июне 1954 года.

Завтрак на борту самолета не понравился Черчиллю, и он заказал еду на свой вкус. Две смены блюд должны были подаваться на разных подносах.

Первая часть завтрака включала яйцо пашот, тост с ягод-

ным джемом и сливочным маслом, чашку кофе с молоком, стакан холодного молока, холодного цыпленка или мясо. На втором подносе премьер ожидал увидеть: свежий грейпфрут, стакан свежесжатого апельсинового сока, виски с содовой и неизменную сигару.

А вот что из себя представлял обед, которым потчевали Черчилля: на закуску – филе целиком запеченного лосося с гарниром из креветок под чесночным соусом. Основное блюдо – жареная оленина с паштетом из гусиной печени и соусом из трюфелей.

Психология гениального обжоры

Известный невролог из США Дэниел Амен написал книгу, в которой определил пять категорий людей, любящих покусать сверх меры. Каждому из представителей этих видов необходимо воздерживаться от определенной еды, чтобы потерять лишний вес.

Итак:

- 1. Компulsive обжоры: спорщики по жизни, обидчивые, склонные к излишествам, имеющие проблемы со сном.*
- 2. Импульсивные обжоры: едят, даже когда не голодны, быстро выходят из себя, дезорганизованы, часто опаздывают.*
- 3. Компulsive-импульсивные обжоры: похожи одновременно на представителей первой и второй групп, часто думают о еде весь день.*
- 4. Эмоциональные обжоры: склонны к беспокойствам, «утешительной» еде, способны быстро заскучать, часто ощущают одиночество, имеют низкую самооценку, страдают от расстройств, связанных с беспокойствами, вроде головных болей или синдрома раздраженного кишечника.*
- 5. Беспокойные обжоры: страдают от мышечного напряжения и регулярных головных болей, грызут ногти, бывают стеснительными и чувствуют себя неловко в различных со-*

циальных ситуациях.

Психология гениального обжоры – это тайный роман с едой, доведенный до одержимости. С точки зрения психоанализа, это онтологический жест: принять бытие через плоть, вкус, текстуру, тепло, сладость, хруст, соль, липкость, жир и тягучесть.

Обжора не ест – он проживает через еду само существование, и в этом он гораздо ближе к поэту, чем могло бы показаться. Он будто питается миром, утрачивает дистанцию между собой и материей, и делает это с ритуальной страстью. Часто со скрытым чувством вины и стыда, иногда демонстративно, напоказ. Гениальный обжора – это человек, у которого через пищу проходит то, что у других разделено на терапию, философию и религию. Он в еде ищет не насыщения, но утешения и подтверждения, что мир еще не рухнул, что можно что-то положить внутрь и быть наполненным хотя бы на час. В еде для него прячется смысл, укрытие, материнская грудь, убежище от стыда, часто – единственное по-настоящему теплое прикосновение за день. Обжора ест не чтобы поесть, он прощает себе собственную тоску через жевание. Каждый кусок как жест любви самому себе, но любви тревожной, чрезмерной, обусловленной.

В обжоре почти всегда живет тоска по принятой телесности. Это очень чувствительное существо – как правило, с травматическим опытом телесного подавления, стыда ли-

бо тотального бессилия. Еда – это то, над чем он хоть как-то имеет власть. И может решить: еще ложку. Или всю кастрюлю. Может отказаться и продержаться ровно час, а потом сдаться – и съесть за двоих. Это микровселенная контроля: в остальном его желания не принимали, не выдерживали, не замечали. Но торт – никогда не отворачивался. А жареный картофель – ни разу не упрекнул.

Любопытно, что к обжоре общество относится с подчеркнутым презрением или снисходительностью. Поэта-алкоголика прощают, а обжора воспринимается как человек, у которого просто «нет воли». Хотя на самом деле именно обжора часто обладает самой тонкой душевной ранимостью. К сожалению, другие этого не замечают...

Комментарий психолога. Неужели еда заменяет любовь?

Что мы называем обжорством? Это когда человек ест гораздо больше, чем ему необходимо для поддержания жизнедеятельности.

Обжора практически не контролирует процесс поглощения еды на сознательном уровне или же получает от него такое удовольствие, что и не хочет себя контролировать! Он просто ест и ест – пока позволяет размер желудка. Почему так происходит?

Давайте разберемся, что же может сподвигнуть людей к

бесконтрольному кревоугодию.

Начнем с физиологических причин, которые, скорее всего, могли иметь место в некоторых рассказанных историях известных обжор. Организм подает сигнал о необходимости поесть, наделяя нас чувством голода. Оно возникает при нехватке питательных веществ, а именно глюкозы в крови. Тогда активируется расположенный в гипоталамусе «центр голода», сигнализирующий мозгу: пора бы и подкрепиться. И он же маячит о чувстве насыщения. Потому первой физиологической причиной кревоугодия может быть нарушение работы гипоталамуса, который перестает отправлять сигнал о насыщении, и человек испытывает постоянное чувство голода.

Вторая связана с дофамином, гормоном удовольствия. Вид вкусоностей и их аромат провоцируют всплеск дофамина, тем самым обволакивая обжору негой предвкушения. Дофамин заставляет нас думать: «Хочу это, не могу!» – даже когда мы не голодны.

Плохая новость в том, что нейроны дофамина со временем привыкают к поощрениям, даже чрезвычайно вкусным! И что мы делаем? Нет, не отправляемся на поиски новых гурманских изысков. Мы просто увеличиваем порции любимого блюда, стремясь вернуть себе то самое удовольствие от праздника живота!

А вот тут самое время обратиться к психологии. Рассматривать психологические факторы рождения обжор мы бу-

дем на нескольких уровнях. Первый, известный большинству, факт – еда дает чувство безопасности, ослабляет страх, служит средством успокоения. Состояние стресса, сильная усталость изматывают нас, и мы ищем способ расслабиться. И вот именно действие «хорошенько перекусить» напрямую отсылает нас к тем самым «беспроблемным» временам, когда главной задачей хорошего ребенка было надеть шапку и вовремя и плотно поесть. Что мы с успехом и повторяем! Конечно, семья формирует пищевые привычки: например, есть часто и много, накладывать большие порции, садиться за стол «за компанию».

Такие впитанные буквально с молоком матери правила столования приводят к сбою в работе головного мозга, который утрачивает контроль над чувством насыщения.

А если посмотреть немного глубже? Часто в личной истории обжор можно найти то, что мы, современные психологи, называем травмой детско-родительских отношений, а именно нехватку душевного родительского тепла. Во многих случаях родители не закрывали потребность ребенка в общении, в искреннем разговоре, объятиях, совместных играх с помощью еды. Главное – ребенок накормлен! А кого из нас не баловали вкусняшками после падения или чтобы успокоить истерику? Кого не соблазняли сладеньким и вредным за невкусную, но полезную кашу? Как-то само собой, незаметно для ребенка и родителей, пища заменяет в подсознании первое общение с близкими, становится своего рода заме-

ной любви, формируя у дитяти понимание любви как таковой: мы любим так, как любили нас родители. В том числе и себя!

Подобная модель взаимоотношений человека с едой взрослеет вместе с ним, становясь привычным и приемлемым образом жизни. А значит, в случае тревоги, плохого настроения, нахлынувшего чувства одиночества, да и вообще, чтобы порадовать себя в серых буднях, такой выросший взрослый будет садиться за стол, чтобы полноценно, вкусно, с изыском полюбить себя. Как говорят в простонародье, заедает нерешаемые проблемы, компенсируя негатив положительными эмоциями от принятия пищи, найдя утешение в сладеньком и не только. Еда становится навязчивой привычкой, то, что психиатры называют компульсивным поведением. До сих пор неизвестно, что вызывает компульсивное расстройство питания, однако примерно в половине случаев им страдают люди, подверженные депрессиям. Получается, первая психологическая причина обжорства – неспособность человека справляться с негативными чувствами, спровоцированными внутренним конфликтом и обстоятельствами извне, попыткой дать себе любовь, ресурс.

Еще важно отметить: люди, склонные к эмоциональному перееданию, часто имеют низкую самооценку. Кушать больше, чтобы стать больше, чтобы занять больше места в пространстве и почувствовать, что «я есть, я значим», – психологический компенсаторный механизм, превращающий

неуверенных в себе людей в тревоугодников.

А чтобы понять, почему именно еда становится для некоторых лучшим антидепрессантом, стоит нырнуть совсем глубоко, обратившись к работам незабвенного Фрейда. Да-да, вспомним о либидо – движущей энергии развития личности. Еще в начале прошлого века Зигмунд Фрейд вызвал бурю негодования своей теорией психосексуального развития, тем не менее ставшей базой, азбукой современных направлений психоанализа.

Для тех, кто в детскую психологию нырял максимум одной ногой на берегу, коротко поясним: все, на что взрослые смотрят с поджатыми губами и прищуром, в младенческой вселенной выглядит совершенно иначе. Там это чистый опыт: телесный, тактильный, полный вопросов и молчания. Никто ни о чем не думает «взрослым образом» – просто мир впервые познается через ощущения, и кое-что оказывается особенно увлекательным.

Один невротически уставший, но довольно проницательный психолог (не будем показывать пальцем, но это был отец психоанализа Зигмунд Фрейд) когда-то сформулировал идею: ребенок растет будто по уровням, как игрок в странной видеоигре, где каждая стадия – новая главная зона интереса. Их всего пять: от «есть и спать» до «играть во взрослую жизнь по правилам».

Сначала все просто. Маленький человек обнаруживает, что жизнь не так уж плоха, если тебе дали грудь или буты-

лочку. Свет и еда поступают в рот, и рот становится центром мироздания. Его, рта, хочется касаться, чем-то занять, что-то в него класть – от маминых волос до угла книжного шкафа. Это и называется первой фазой. Оральной, но давайте не морщиться – ребенок не виноват, что ученые так все называли.

Потом ребенок, большой уже, вставший на ноги и мудрый как Будда, начинает справляться с собой. Буквально – с собой. Его ловко направляют к горшку, он осваивает контроль, и это производит сильное впечатление. Еще бы: ты стал господином собственных процессов. Мама хлопает в ладоши, а ты чувствуешь, что подрос. Это второй этап. Название фазы тоже доставит веселья, особенно если вы человек с фантазией. Но останемся серьезными. Почти.

Следующая фаза – время, когда ребенок начинает активно осматриваться: кто он, кто рядом, почему у Маши одно, у Пети другое. Тело – это теперь головоломка, игра в сравнение, и все вызывает странную смесь озарения и смущения. Важно: взрослым лучше невозмутимо кивать. Невозмутимость вообще спасает на этом этапе, особенно родителей.

Потом странный, почти платонический этап: ребенок переключается на учебу, конструкторы, беготню, занимается общественно полезной деятельностью типа лепки из пластилина. Все внутри стихает на время – почти как летняя передышка в сериале.

И вот наконец главная серия! Начинается то самое время,

когда ребенок стремительно приближается к подростку, тело выстреливает вверх, эмоции – вбок, и все становится либо до слез прекрасно, либо до паники нелепо. Это финальная ступень. Дальше – только взрослая жизнь, философия, ошибки, поэзия и терапия. А пока – внутренняя буря и попытки понять, кто я и как это вообще выдержать. И вместе с половым созреванием приходит «генитальная стадия».

Согласно Фрейду, психологически здоровый человек проходит все стадии. Если на одной происходит застревание, это приводит к эмоциональным и поведенческим проблемам, что имеет негативные отголоски во взрослой жизни.

Что, скорее всего, произошло у тех, кто во взрослом возрасте крайним источником наслаждения выбрал для себя еду? Фиксация на оральной стадии – малыша рано отлучили от груди, бутылочки или пустышки, у мамы было мало молока, ребенок испытывал недостаток тепла, того самого удовольствия, которое приводило к успокоению. Он будет стремиться к его получению всю жизнь. Рот останется важной эрогенной зоной: кто-то пристрастится к сигарам, кто-то станет страстным любителем целоваться и фанатом орального секса, кто-то обретет привычку кусать губы, грызть ногти, непрерывно жевать жвачку, а кто-то... станет обжорой. Характер таких людей зачастую можно назвать депрессивным, склонным к пессимизму. Им свойственно чувство острой нехватки чего-то жизненно важного и значимого. Именно это удушающее чувство они и пытаются заглушить едой!

Когда вы тянетесь к еде, какую эмоцию вы пытаетесь заглушить, а не утолить?

AUDREY HEPBURN

EDGAR ALLAN POE

TOULOUSE-LAUTREC

WHITNEY HOUSTON

FREDDIE MERCURY

JOHN LENNON

ANTON CHEKHOV

EMPRESS CIXI

CHARLES CHAPLIN

FYODOR DOSTOEVSKY

ANA DE MENDOZA

MARIE CURIE

POPE FRANCIS

PUSHKIN

CLEOPATRA

Глава 2. Странно это, странно это...

или Неожиданные озарения, пророческие и вещие сны, особенности творчества, почерки, причуды, пристрастия великих и знаменитых к животным...

Французский поэт Поль Элюар сказал как-то: *«Поэт должен быть ребенком, даже если у него седые волосы и склероз сосудов...»*

Впрочем, можно вспомнить и афоризм Станислава Ежи Леца: *«Поэты – как дети: когда они сидят за столом, их ноги не касаются земли...»*

В этой главе мы хотели бы коснуться целого ряда странностей, которыми были отмечены знаменитые люди. Связаны они с необычными привычками, пророческими снами, разного рода пристрастиями, которые обращали на себя внимание окружающих. Ведь порой даже самые невинные нюансы могут сказать о человеке больше, чем он сам. Что же за всем этим кроется?

В психологии чудачества гениев относят к их особой натуре и поведению. Часто великие таланты проявляют нестандартное мышление, креативность, глубокую интуицию и необычные способности. Есть различные теории, пытающи-

еся объяснить это. Например, теория об одаренных людях говорит о высоком интеллекте и специфических чертах личности у гениев. Также есть теория синтетического мышления, утверждающая, что гении способны преодолевать традиционные концептуальные рамки и видеть более широкие связи между вещами.

Сначала рассмотрим примеры, чем отличались великие люди, и их неожиданно творческие решения, а после – предположения об истоках их таланта.

Детство и внутренний ребенок

Пожалуй, главным источником вдохновения для всех был, есть и еще надолго останется «божественный Дали». Чудачеством можно назвать даже его внешний вид: длинные гладко зачесанные волосы, навощенные усы, горностаевая мантия и трость с серебряной ручкой. Между тем, по его собственному признанию, он просыпался с мыслью «что бы такое чудесное сегодня совершить?» И весьма успешно совершал.

У Михаила Веллера в рассказе «Танец с саблями» из книги «Легенды Невского проспекта» описывается встреча Дали с композитором Хачатуряном. Вряд ли кто-либо другой, кроме великого художника, мог провести встречу таким образом:

«... Часы бьют четыре раза, и с последним ударом врывается из скрытых динамиков с оглушительным звоном “Танец с саблями”! Дверь с громом распаивается – и влетает верхом на швабре совершенно голый Дали, маша над головой саблей! Он гарцует голый на швабре через весь зал, маша своей саблей, к противоположным дверям – они впускают его и захлопываются!»

Во время своей первой поездки в Америку Сальвадор Дали показал встретившим его репортерам картину, на которой

была изображена Гала, обнаженная, с бараньими отбивными на плечах. Когда его спросили, при чем здесь отбивные, он ответил: «Все очень просто. Я люблю Галу и люблю бараньи отбивные. Здесь они вместе. Отличная гармония!» На лекции в Нью-Йорке он однажды появился в костюме цвета морской волны и в водолазном шлеме, объяснив, что так гораздо удобнее опускаться в глубины подсознания. А во время лекции едва не задохнулся.

Сальвадор Дали на кушетке у психолога

С 1929 года я чётко осознаю собственную гениальность. ... это осознание ... никогда не вызывало у меня сомнений.

Сальвадор Дали

Сальвадор Дали – это человек, который вывернул бессознательное наружу и сделал из него искусство. Он был тем, кто не столько лепил реальность, сколько подменял ее собой. Он с юности считал себя исключительным – и выстраивал вокруг своего эго не просто алтарь, а целую барочную церковь с зеркалами, звоном и стаями ручных тараканов. Его нарциссизм был даже не чертой характера, а хроническим спутником – как редкий вид мигрени, только наоборот, с удовольствием.

Инфантильность? Была. Грандиозность? Даже утром, когда чистил усы. Одержимость матерью? Абсолютно. Он утверждал, что был влюблен в свою мать до такой степени, что шутить об этом нельзя. Потом эта одержимость зеркально переместилась на Галу – жену, музу, повелительницу его гениального театра абсурда. Он боготворил ее маниакально, местами панически, и она отлично распоряжалась этим культом.

SALVADOR DALI

Дали боялся много чего. Саранчи, которую все время рисовал. Женского тела, которое воспроизводил постоянно. Умереть от скуки – и поэтому делал все, чтобы не стать обычным. Он говорил так, будто давал интервью вселенной, а одевался, будто каждый день – генеральная репетиция его личного распятия на кресте искусства.

Страдал, конечно. В нем вечно жили пять параноиков и один раненый ребенок. Но есть момент – все это прорывалось наружу не истерикой, а гениальными картинами с расплавленными часами, изогнутыми шеями и беззащитной, но золотой болью, которую мы видим в каждой картине.

Дали – не просто эксцентричный художник.

Он сам себе психоаналитик, который ушел в кабаре, лег в кровать с сюрреализмом и в пижаме из перманентной истерики сказал: «Теперь все это будет моим». Все, к чему он прикасался, — картины, интонации, тарелки, усы — начинало дрожать, плавиться или хотя бы слегка смущаться. Он нарочно был больше, чем позволяла комната. Или сознание.

Но и такой, весь размашистый, в позолоте и бреде, он нуждался в чем-то крепком. В том, что не расплавляется. Не игнорирует гравитацию. И — желательно — способно управлять его хаосом почти незаметно. Этим чем-то оказалась женщина. Звали ее Гала.

И тут мы приступаем к совсем другому разговору, который потребует от нас (и не только от нас) вдумчивости и сообразительности.

Те, кто смотрят на Галу поверхностно, говорят: жена великого художника, его муза, его вдохновительница. Те, кто смотрят чуть глубже, — понимают: она не муза. Она, скорее, архитектор внутреннего мира Дали. Осторожный дирижер его паранойи. Холодный центр его пылающего театра. Скорая психологическая помощь.

Она была много старше (внутренне — еще больше) и прекрасно понимала, как устроен человек, когда он сгорает — и как, в общем-то, неплохо можно на этом огне зарабатывать. Она организовывала жизнь, деньги, рамки и блестящие наручники, в которых Дали чувствовал себя свободнее, чем в любой возможной анархии.

Однако интересно другое: в их отношениях не было ничего нормального – ни романтики, ни логики, ни привычных ролей, – и именно поэтому они работали. Он жил в страхе быть покинутым, а она – в умении не обещать любви. Его искусство во многом росло на этой трещине, точно тропическая плесень – на теплой влажной поверхности.

У нее был священный иммунитет к его эксцентричности. Она давала ему полное право быть сумасшедшим, но оставалась единственной, рядом с кем он не пытался притворяться еще более сумасшедшим, чем есть. Это дорогого стоит.

Такие отношения открывают важную вещь: гениальность часто не бывает «одионой». Она почти всегда чем-то подпитывается – нередко другим человеком, более странным, устойчивым, холодным или таинственным.

А иногда подпитывается сном, обостренным чутьем, подсознанием, невыносимым телесным ощущением или даже кошкой, которая молча сидит на подоконнике и служит единственным существом, с которым можно говорить «на равных».

Впрочем, мы выходим на нужную дорожку.

Потому что Дали – не единственный. Гала – не уникальный случай.

Великие умы прошлого столетия – писатели, художники, физики, композиторы – подобны мозаике из странностей: кто-то общался с деревьями, кто-то записывал сны как инструкции к жизни, кто-то не выносил прикосновений, а кто-

то мог работать по двадцать часов в сутки, кто-то вырезал из бумаги чертиков...

И кажется, самое захватывающее – то, насколько тонко психология и причуда спутаны внутри гениальности.

Так что самое время заглянуть внутрь этой галереи гениальных аномалий.

Мы собрали вам каталог странностей, перед которым бледнеют даже яичницы на полотнах Дали.

Странности гениальных психопатов

Петр Чайковский плакал 10 раз на дню – по причине и без. Еще боялся оставаться один в квартире. Также с детства у него была привычка жевать бумагу. Однажды на службе в министерстве юстиции он, задумавшись, съел важный документ.

Максим Горький однажды подсмотрел, как Чехов, думая, будто его никто не видит, ловил шляпой солнечный зайчик.

Алексей Михайлович Ремизов² вырезал из бумаги чертиков и развешивал на веревочках по всей квартире.

Как известно, Велимир Хлебников совершенно серьезно провозгласил себя председателем Земного шара. Ненавидел умываться и делал это как ребенок: слегка мочил руки и потом тщательно тер сухое лицо полотенцем. Еще он не любил причесываться; а когда это все-таки надо было сделать, совершал сие действие со страдальческим видом.

30-летнего Осипа Мандельштама арестовали в Крыму белые. Он вызвал надзирателя и без тени улыбки сказал: «Вы должны меня выпустить – я не создан для тюрьмы».

² Алексей Михайлович Ремизов – русский писатель, художник, каллиграф.

Исаак Бабель был очень любопытен, его интересовало буквально все: что может находиться в сумочке у сидящей за соседним столиком дамы и как умер старик-бухгалтер, которого он видел всего раз. Он любил прятаться; исчезал на несколько дней с чрезвычайно таинственным видом.

Пикассо в 80 лет позировал фотографам голым.

Дали убедил «Битлз», что в его знаменитых усах кроется сила таланта, и продал им свой ус за 50 тысяч долларов – фальшивый, разумеется.

Александр Суворов стариком прыгал по дворцу на одной ноге и дразнил мальчишек на улицах. Притворялся глухим, когда получал не понравившийся ему указ. Современники признавали, что все шалости Суворова, создававшие ему славу чудака, помогали избегать наказания за неповиновение глупым приказам из Петербурга. У фельдмаршала был к тому же странный распорядок дня: ложился спать в шесть вечера, просыпался в два часа ночи, и пробуждение было необычное – обливался холодной водой и громко кричал: «Ку-ка-ре-ку!» А еще нестандартное для полководца ложе – при всех чинах он спал на сене. Предпочитал ходить в старых сапогах, запросто мог выйти встречать высоких чиновников в спальном колпаке и нижнем белье. Сигнал к атаке

также подавал своим любимым «ку-ка-ре-ку!»...

Нерон принимал ванну в кадке с рыбами, но не простыми, а электрическими.

Уинстон Черчилль, например, менял постельное белье каждую ночь. Причем в гостиницах, где останавливался, часто даже ставили две кровати рядом. Проснувшись ночью, он ложился на другую и спал на ней до утра. Причина, как говорят, очень простая – потливый был... а может, встречи со Сталиным снились? Также коллекционировал солдатиков: дома у него было несколько армий, которыми он с удовольствием играл.

Мао Цзэдун всю жизнь не чистил зубы, при этом ссылаясь на тигра: он, дескать, никогда этого не делает.

Лев Ландау, нобелевский лауреат в области физики, любил на досуге раскладывать пасьянс. При этом, говорят, бормотал: «Это вам не физика, тут думать надо».

Исаак Ньютон однажды сварил карманные часы, держа в руках яйцо и поглядывая на него.

Александр Сергеевич Пушкин очень любил пострелять в бане из пистолетов. Стена, в которую он стрелял, говорят,

осталась целой.

Комментарий психолога. Странности – вечный спутник гениальности?

«Странности – вечный спутник гениальности» – весьма распространенное убеждение, которое после прочитанных примеров лишь подкрепляется. Гениальных людей, как правило, общество считает слегка чудаковатыми, а некоторым и вовсе приписывает серьезные психические расстройства, такие как шизофрения, биполярное расстройство, аутизм. Немало копий ломается и сейчас в попытках навязать гениальности обратную сторону – безумие. Я не буду вступать в эту битву, зато предлагаю рассмотреть сверходаренность и ее причуды под другим углом. Ведь не каждый безумец гениален, однако каждый гений – немного безумец.

Да, гении, безусловно, люди обостренно восприимчивые, способные на длительное время отрешаться от всего, что мешает их творчеству. Они выделяются активным стремлением к самоутверждению и зачастую игнорируют условности, которым подчинена жизнь обычного человека. Многим одаренным личностям действительно свойственны бытовая неустроенность, чувство одиночества и его страх одновременно, боязнь утратить творческую свободу. Ничего, вернее, никого не напоминает? Конечно же, ребенка!

Вы когда-нибудь видели, как малыш начинает рисовать

картину? Минуту он задумчиво смотрит на лист, а потом берет самую яркую краску и смело рисует линию. Общественное мнение и признание его совсем не интересуют, ему важен сам процесс. Он знает: рисунок прекрасен, и гордо демонстрирует его родителям. Воображение и творческий потенциал у детей часто непредсказуемы, их выходки могут стать источником веселья и впечатлений взрослых, а главное, дарят будущему взрослому свободу – свободу творить, познавать, пробовать, чудить!

Согласно теории Эрика Берна, в каждом из нас живут Внутренний ребенок, Взрослый и Родитель, хотя сама концепция Внутреннего ребенка – часть мировой культуры уже по меньшей мере две тысячи лет. К. Юнг называл его «Божественное дитя», а Э. Фокс – «чудо-ребенок». Это та часть нашей психики, которая извечно полна жизни и сил, творческих порывов и удовольствия. Это наше настоящее «Я» – то, кто мы есть на самом деле.

Внутренний ребенок гениев абсолютно свободен! Благодаря ему у них сохраняется игривость, любознательность и способность к инновациям и даже выходкам, которые свойственны детям. В хорошем смысле «детский» (свободный от стереотипов и взрослых запретов) ум и воображение позволяют им находить новые и нестандартные решения, искать свежие идеи и не бояться экспериментировать, проявляя те самые чудачества и странности. Внутренний ребенок у одаренных людей может проявляться через искреннее и

прямолинейное поведение, а также фанатичную приверженность своим увлечениям и интересам. Они сохраняют способность удивляться, радоваться и проявлять любопытство перед сложностями мира, продолжая исследовать его, как истинные следопыты, при этом достигая невероятных высот по сравнению с теми, у кого Внутренний Ребенок обесценен и задавлен внутренним рациональным Взрослым и критикующим Родителем.

В отличие от обычных людей, которые стесняются демонстрировать свои особенности, гении, наоборот, лелеют их и постоянно выставляют напоказ, заставляя окружающих брать с них пример. Так что, если вам необходимо творческое вдохновение и прорыв, воспользуйтесь советом великих – дайте свободу своему Внутреннему дитя. Наше творческое начало и спонтанность – это именно наш Внутренний ребенок. Он живет в каждом взрослом, и когда мы творим, то возвращаемся в детство: становимся азартными мальчишками и девчонками, которые ничего не боятся и на все способны. Мы смотрим на мир широко раскрытыми глазами и жадно ловим все новое.

«Школьные годы чудесные», или Как гении учились в школе

У каждого гения было детство. А вместе с ним и школьные годы, те самые «чудесные», где чудеса чаще всего прятались не в учебниках, а глубоко в голове – там, куда ни один учитель не смог заглянуть. Преподаватели не смогли и не захотели тратить время – ведь они не знали, что, возможно, им предстоит писать биографию будущего великого человека.

Школа – то место, где формально учат всех одинаково, но запоминают одних за «особые успехи», а других – за «особые трудности». И очень часто именно последние оказываются теми, кто потом создает новое мышление, пишет умные книги, рисует иные, доселе неведомые миры и получает благодарственные слова от потомков.

Гении и школа – признаемся, как правило, немного конфликтная пара.

Им скучно, тесно, им не нравится учеба, потому что в это время они мысленно разрабатывают ядерную теорию при помощи пружинки от линейки. Их наказывают за несобранность, прогулы, странные рисунки в тетради по геометрии и за то, что они не похожи на остальных. Но как раз это и есть их инвестиция в будущее. Одни сбегали с уроков, чтобы читать интересные книги. Другие спорили с учителями о гравитации или смысле жизни. У всех был свой способ сказать:

«Я здесь, но я – не отсюда».

Так что мы собрали для вас истории. Фрагменты биографий. Маленькие зарубки на школьных партах, которые потом стали именами в энциклопедиях. Посмотрите на них – и может быть, поймете, почему ваше поведение на уроках труда могло быть предвестником чего-то великого.

Знаменитый изобретатель Томас Эдисон проучился в школе три месяца, после чего мать забрала его, так как преподаватели обвинили мальчика в умственной отсталости.

Пикассо не сдал экзамен за начальную школу, и отцу пришлось дать взятку, чтобы его сыну разрешили продолжить обучение. Чтение и правописание были для маленького Пабло непостижимыми тайнами.

В школьные годы гении редко выглядят как гении. Чаще – как странные, рассеянные или вообще неуправляемые дети, от которых устал весь педагогический коллектив.

Вот, к примеру, Исаак Ньютон. В младших классах был тихим и вечным аутсайдером, больше похожим на недосыпающего ботана, чем на будущего великого математика. Но однажды с ним поссорился одноклассник и захотел его унижить. Ньютон так разозлился, что решил наказать обидчика самым изощренным способом: стать лучшим учеником в школе. И стал. От скуки открыл закон всемирного тяготения.

Представляете, насколько нужно обидеться, чтобы открыть физический закон?!

Леонардо да Винчи, скажем, вообще по большому счету учился самостоятельно – государство гуманно решило с ним не связываться. В школе он не блистал, латынь не любил, зато мог с детства разобрать все что попадалось под руку: от птиц до механизмов.

Классика придумала красивый термин – «универсальный гений». Во времена Леонардо это называлось просто: «с ним сложно». Он все понимал быстрее всех, но учителей не слушал. Между тем успел изобрести вертолет, анатомировать десятки тел и в промежутке нарисовать «Мону Лизу».

Альберт Эйнштейн научился говорить очень поздно; к девяти годам его речь была все еще довольно медленной. Будущего гения исключили из мюнхенской гимназии за неуспеваемость, и на вопрос отца, какая профессия подошла бы Альберту, директор гимназии ответил: «Неважно, чем он будет заниматься, он ни в чем не добьется успеха».

Жене Эйнштейна приходилось по три раза повторять одно и то же, прежде чем до великого физика доходил смысл ее реплик. Со своей копной седых волос, спутанными усами, дружелюбным, однако отсутствующим взглядом он стал в обществе образом эксцентричного ученого: симпатичного, блестящего, но не от мира сего.

Переходим к Чарльзу Дарвину, который в школе был, как это сейчас модно говорить, «не в системе». Учителя считали его тугодумом, а он просто ловил бабочек. Пока остальные зубрили латынь, Дарвин блуждал по лесам в каком-то счастливом внутреннем диалоге с природой и мухами. Позже именно его «прогулы» превратились в эволюционную теорию, которая перевернула биологию. Как говорится, бабочки не подвели.

А вот вам Бетховен. Поверьте, вряд ли кто-то хотел сидеть с ним за одной партой. У него плохо получалось считать, он писал с ошибками, плохо читал и слыл неуправляемым. Учителя частенько рекомендовали «не тратить время» на этого мальчика. Что он сделал в ответ? Создал девятую симфонию, будучи абсолютно глухим. Видимо, чтобы никого больше не слышать, кроме своей гениальной музыки.

Добавим в нашу коллекцию еще одного героя – Стивена Хокинга. В школе он был ленив до гениальности. Домашние задания сдавал в последний момент, часто оставлял тетради пустыми. «Он будет либо гением, либо безработным», – с грустью говорил его учитель. В свободное от учебы время Хокинг мастерил всякие механизмы, устраивал эксперименты и, по словам одноклассников, «смотрел на мир так, будто в голове у него уже другой космос». Забавный факт: так и

было.

Ну и, конечно, Билл Гейтс – будущий миллиардер и главный зануда в классе. Его глаза светились только при виде компьютеров или энциклопедий. В пятом классе он за один вечер прочитал всю «Всемирную историю техники» и потом несколько недель пытал учителей вопросами, на которые те не знали ответов. Нет ничего страшнее школьника, который знает больше, чем учитель. Слава богу, он ушел из школы – и изобрел Windows.

Таким образом – незаметно, с переменами, выговорами, плохими оценками за поведение и сочинениями в стиле «что вижу, то пою...» – и формировался костяк того самого Клуба гениальных психопатов. Их не понимали, на них жаловались, их выгоняли, вычеркивали из списков – но через сто лет их портреты висели на всех стенах научных академий. Школа, как водится, в это время скромно прятала журнал.

Полезна ли гениям школа? Безусловно, хотя бы как среда. Иногда – как полигон, иногда – как травма, иногда – как сборник проверенных техник выживания среди людей. Школа не всегда справедлива к тем, у кого был свой ритм, свой фокус, свои идеи. Зато именно в этом несправедливом шуме часто закладывалась первая злость, первая мотивация, первая тоска, первая попытка – и первые страницы мира будущего.

О творческих решениях гениальных психопатов

Если внимательно изучать биографии великих изобретателей, писателей и ученых, складывается устойчивое ощущение, что большинство жизненно важных открытий человечество сделало не из высокого стремления к познанию, а потому что кому-то срочно что-то понадобилось – чаще всего, в крайне странной ситуации. А заодно – желательно, чтобы рядом была женщина. Просто чтобы пострадала ее мебель, платье или спокойствие.

Взять хотя бы Уильяма Ли – современника Шекспира. Влюбился, как романтический герой, в девушку, которая вязала чулки, причем делала это так усердно, что игнорировала все ухаживания. В нормальной жизни мужчина бы, пожалуй, подарил цветы, но гениальный психопат – он другой. Ли сел, подумал – и изобрел первую в мире вязальную машину, которая делала 1200 петель в минуту вместо 100 при ручной вязке. Так из личной тоски по нежным чувствам родилась промышленная революция!

Как-то физику лорду Кельвину срочно потребовалась для эксперимента полоска жесткого материала. В лаборатории, понятно, ничего приличного не оказалось, зато дома была жена и ее кринолин, и он позаимствовал кусочек китового

уса оттуда. Лорду благодарна наука, хотя дома был скандал. Эксперимент удался.

В начале XX века некий Виктор Орвилл как виновник автотрагедии попал в тюрьму на 3 года. Чтобы чем-то занять себя, он стал чертить квадратики и заполнять их словами. Однажды послал самое удачное произведение в газету. Редактор посмеялся, положил в карман, а через несколько дней шутки ради показал друзьям. Те, тоже шутки ради, стали решать и, увлекшись, просидели несколько часов. Редактор опубликовал первый кроссворд, тираж газеты возрос, а Орвилл оказался при куске хлеба с маслом до конца своих дней. Видимо, если гениев оставить одних с бумагой, ручкой и чувством вины, они изобретут либо новый жанр, либо новый способ уйти от депрессии.

У Томаса Эдисона тяжело открывалась калитка. Как-то друзья ему сказали, что такой великий изобретатель мог бы сконструировать калитку и получше. Эдисон ответил: «Калитка сделана идеально. Она соединена с насосом, и каждый посетитель накачивает в цистерну 20 литров воды».

Физик Роберт Вуд заглянул однажды в длинную и узкую трубу спектро스코па и увидел, что она полна пыли. Недолго думая, он засунул туда свою кошку, и та, пройдя по трубе, очистила ее от пыли и заработала кусок колбасы.

Браян Олдисс, знакомый Агаты Кристи, как-то рассказал о ее методах – «она дописывала книгу до последней главы, потом выбирала самого маловероятного из подозреваемых и, возвращаясь к началу, переделывала некоторые моменты, чтобы подставить его».

Так и рождаются великие решения. Не из счастья, не из уюта, а из раздражения, невозможности договориться, необходимости срочно добыть нужную штуку – и желательно, чтобы никто не мешал. Ну, максимум – если мешает, то хотя бы вдохновляюще. Так или иначе, любое творческое решение гениального психопата – это всегда не про правила, а про способ вывернуться, выкрутиться и взломать реальность по-своему.

О таинственных ритуалах, или Как гении вызывали вдохновение

Как бы мощно ни гудела фантазия у великих умов, просто так – сама по себе – она, увы, включалась не всегда. Иногда ей нужно было невинное подталкивание. А иногда – целая театральная постановка из мелких абсурдных действий и эксцентричных условий. Гении, как и не самые гении, охотно верили, что вдохновение обитает не в них самих, а в... ледяной воде, яблочной кожуре, полном вакууме или небритой щетине. И если поймать нужную комбинацию – муза, как дрессированная собачка, непременно прибежит и сделает стойку.

Людвиг ван Бетховен, например, почему-то был уверен, что его творческая удача напрямую зависит от бритья. В какой-то момент он решил, что каждый раз, когда он гладко выбрит, муза обходит его стороной. Поэтому все чаще ходил небритым, и вдохновение действительно приходило. При этом композитор сохранял веру в очищающую силу воды и, когда особенно припекало, обдавал голову холодными литрами из кувшина. Людвиг был, в своем роде, первым и последним композитором, написавшим симфонию не только чернилами, но и собственной гусиной кожей, от холода покрытой мурашками.

А вот у Фридриха Шиллера методы по добыче вдохновения были еще драматичнее: он писал тексты, опустив ноги в ведро с ледяной водой. Видимо, полагал, что если муза не хочет прийти по доброй воле – ее надо шокировать. Производительность, по слухам, у него была феноменальная. Правда, близкие жаловались, что в комнате всегда стоял запах тухлых яблок, которые Шиллер хранил в ящике стола. Зачем? Для атмосферы. Похоже, вдохновение – это яблоко, оставленное гнить с мыслью: «Пригодится потом».

Кстати, а писатель Марсель Пруст – на то и француз – добивался аналогичного эффекта с помощью сильных духов.

Гёте, в противоположность прохладе и фруктам, предпочитал душную агонию. Он любил творить в помещении, которое плотно закрывал от воздуха – буквально завинчивал вдохновение внутри себя, как пар в котле. Возможно, ему казалось, что герметичность помогает сосредоточиться. Или свежий воздух выветривает не только углекислый газ, но и ценные мысли.

Автор знаменитых детективов Агата Кристи, обессмертившая образ душителя в библиотеке, сама предпочитала ванную. Очень горячую. В процессе она поедала немыслимое количество яблок – сочетание, которое одинаково спо-

собствовало убийственным сюжетам и потенциальным гастритам. Так одна женщина вышла из ванной – и вошла в классику мирового детектива.

Есть некоторое количество выдающихся умов, которые, кажется, относились к процессу творчества примерно так же, как шаманы к вызову духов: каждый – со своим предметом силы, каждый – в каком-то особом, только ему понятном состоянии полубезумия.

Жан-Жак Руссо, скажем, полагал, что главной музой человечества было и остается солнце. Не в переносном, а в самом прямом смысле. В самый зной, когда прочие философы искали тень, Руссо вставал на солнцепеке с непокрытой головой – и стоял. Подпитываясь, вероятно, не только ультрафиолетом, но и откровениями. Голову слегка поджаривало, зато сознание – прояснялось. Правда, вопросы к терморегуляции остались, но, как известно, настоящему мыслителю не жалко терять влагу ради истины.

Есть и другие методы прожарки творческого сознания. Возьмем Гофмана. Этот невероятный человек смог устроить полноценный театр сумасшествия у себя прямо в рабочем кабинете. Стены обклеил черной бумагой – видимо, чтобы даже случайные солнечные зайчики не отвлекали от мистики и воображения. Над лампой у него висели зеленые, белые и синие абажуры, и он менял их как настроение – или как

фазы творческого безумия. Один – для грез, другой – для кошмаров, третий – для сюжета с ожившей куклой. И все это, конечно, в строгом одиночестве – муза, будто кот, заходила только при выключении света.

Особняком в нашем рейтинге стоит Морис Метерлинк, бельгийский драматург-философ. Он, можно сказать, буквально писал под жужжание пчел. То есть не просто о пчелах – а под пчелами. Его знаменитая «Жизнь пчел» создана с открытым окном, за которым гудели настоящие насекомые, а на подоконнике стояло блюдце с медом. Это был обмен в духе высокого бартерного контракта: писатель отдает текст – пчелы дают атмосферу (и, при удаче, не жалят за спойлеры). Поразительно, насколько велик может быть союз между поэтом и ульем.

Наконец, знаменитый Бальзак, известный тем, что творил стоя, босиком, на голом полу. Холодный пол, по всей видимости, был для него источником энергии, если не из земли, то хотя бы из суставов. Возможно, ему казалось, что вдохновение входит через стопы. А может, так проще не усесться и не заскучать. Пока тело страдает от дискомфорта – разум в страстном поиске.

Каждый из наших героев по-своему охотился за этой неуловимой искрой, будто вдохновение – дикое животное,

требующее особой приманки. Яблоки, лампы, холодный пол, солнечные удары, мед – все годилось, лишь бы не приходилось сидеть в тишине и ждать, как обычный человек ждет приема у врача, со скучающим видом озирая приемный покой.

Гениальный психопат – это не тот, кто пишет при свете дня.

Это тот, кто сначала погружается в нужный психофизический кокон – создает микроклимат, подкармливает атмосферу, уговаривает пчел, меняет цветные фильтры на лампе, обжигается солнцем – и только потом, в этом магическом бульоне, начинает творить.

Вдохновение ведь не приходит к тем, кто сидит удобно – оно приходит к тем, кто стоит босиком на полу, греет голову или остужает ноги в ведре с водой. Отличить его просто: вдохновленный – всегда немного странный. И, надо признать, всегда куда интереснее остальных.

Но если пчелы, абажуры и холодные полы кажутся вам уж чересчур экзотичными, не спешите вздыхать с облегчением – мы еще не добрались до самых причудливых (а местами – подозрительно уютных) способов вызвать вдохновение у гениев.

Иоганнес Брамс³ «для вдохновения» постоянно без на-

³ Иоганнес Брамс – немецкий композитор и пианист, один из центральных представителей эпохи романтизма.

добности чистил обувь. Обувь, как правило, сияла от предыдущей чистки. Но, как и многие великие умы, гений был не столько озабочен блеском, сколько ритуалом. Он уговаривал себя, полируя носок: «Вот сейчас почищу – и начнется гениальное». Иногда начиналось. А иногда нет.

Бенджамин Франклин, человек разносторонний и абсолютно серьезный, подходил к вдохновению весьма основательно: садился за работу, предварительно загрузившись сыром. Возможно, он рассматривал себя как лабораторную мышь, которую надо правильно подкормить – и она побежит по интеллектуальному лабиринту. Возможно, американское самосознание держится на вкусном сыре?

Известен «синдром» Достоевского – знаменитый писатель не мог закончить начатое произведение, пока не становился жестко ограничен сроками контракта. Похоже, Федор Михайлович полагался исключительно на отчаяние как на своего рода триггер. До тех пор, пока на горизонте не возникала угроза контрактного срока, вдохновение его и в глаза не видало. Но стоило издателю сказать «еще неделя – и штраф», в глазах Достоевского загорался Бог, судьба и 400 страниц. Все, что мы теперь называем великим русским романом, на самом деле продиктовано не духами Невы, а простым и честным синдромом приближающегося дедлайна.

Виктор Гюго в припадке творческой лихорадки всегда быстро ходил по комнате, почти бегал; писал всегда стоя, и листок за листком быстро летели на пол. То же можно сказать и про Мистраля, Ампера, Мендеса, Ломбара и многих других.

В противоположность им Декарт и Лейбниц могли размышлять над идеей только лежа. Тома, Россини обдумывали и давали форму своим произведениям в постели.

Подобно Шиллеру, композитор Гретри не мог творить иначе, как поставивши предварительно ноги на лед.

Франсуа Рене де Шатобриан⁴, диктуя своему секретарю, медленно ходил голыми ногами по холодному паркету комнаты.

Жак Бенинь Боссюэ, знаменитый французский проповедник и богослов XVII века, писатель, работая, обматывал голову теплой материей.

Теофиль Готье⁵, чтобы активизировать «производствен-

⁴ Франсуа Рене де Шатобриан – французский писатель, политик и дипломат, ультрароялист, виконт, пэр Франции, консерватор, один из первых представителей романтизма.

⁵ Пьер Жюль Теофиль Готье – французский прозаик и поэт романтической школы, журналист, критик, путешественник.

ный процесс», жег курительные свечи.

Шарлю Бодлеру для работы требовались духи.

В доме Бетховена прислуга была бессильна соблюдать хоть какое-то подобие порядка: листы с симфониями и увертюрами были разбросаны по всему кабинету вперемешку с бутылками и тарелками, и горе тому, кто пытался собрать их, нарушив этот беспорядок. А сам хозяин в это время, невзирая на погодные условия, трусцой обегал улицы города.

Немецкий историк Теодор Моммзен был очень консервативен и не разрешал проводить в доме электричество. Он писал свои труды при свете керосиновой лампы. Однажды в его отсутствие электричество все-таки провели, но Моммзен был страшно недоволен этим и утверждал, что продолжит писать при свете лампы. Он так и делал, правда, чтобы найти спички, электричество все же зажигал.

Бальзак и Альфред Мюссе могли работать только при свете многочисленных свечей.

Эмиль Золя⁶, трудясь по воскресеньям, также не мог обходиться без искусственного освещения.

⁶ Эмиль Золя – французский писатель, драматург и публицист.

Анатоль Франс⁷ забывал достать новый лист бумаги или тетрадку и писал на всем, что попадется под руку: конвертах, визитках, обертках, квитанциях.

Ильф и Петров весьма оригинальным способом избегали мыслей-штампов – они отбрасывали идеи, которые приходили на ум сразу обоим.

Чарльз Диккенс всегда спал головой на север. Также сиделся лицом к северу, когда создавал свои произведения.

Никколо Паганини оттачивал мастерство, играя на скрипке среди могил, чем провоцировал самые зловещие слухи.

Композитор Джузеппе Сартти сочинял лишь в абсолютно пустой комнате в полумраке, а вот к его коллеге Чимарозе, напротив, муза приходила во время разгульных вечеринок.

Методы работы английского писателя и политика Ричарда Гоутона были весьма опасны для окружающих: сочиняя, он впадал в транс и, произнося вслух строки, брал ножи, ножницы и другие колюще-режущие предметы. Все, что попадалось ему под руку, моментально превращалось в ключья.

Известный сатирик Лафонтен громко декламировал при-

⁷ Анатоль Франс – французский писатель и литературный критик.

шедшие в его светлую голову строки и рифмы, размахивая руками и приплясывая. К счастью для него, к подобным личностям тогда относились довольно спокойно, санитаров никто не вызывал.

В музее Марка Твена в США хранится необычный альбом – писатель сам разработал метод изготовления его клейких страниц. Работая над произведениями, он делал много вырезок из газет, которые раскладывал по папкам. Однако быстро отыскать нужную бумагу было очень трудно. Тогда Твен изобрел самоклеящийся альбом, который к тому же запатентовал.

Бенвенуто Челлини⁸ свою единственную поэму написал в тюрьме щепкой, оторванной от дверного косяка, и чернилами из кирпичной пыли и собственной слюны.

Освещение играло важную роль для английского поэта Эдуарда Юнга, который создавал безысходно мрачные «Ночи» при свете свечи, вставленной в глазницу черепа; недаром его считают зачинателем так называемой кладбищенской поэзии.

Виктор Гюго прочим горизонтальным поверхностям, на

⁸ Бенвенуто Челлини – итальянский скульптор, ювелир, живописец, художник-медальер, гравёр, писатель-историограф и музыкант.

которые можно положить лист бумаги, предпочитал хлипкое бюро на изогнутых шатких ножках.

Эрнесту Хемингуэю сначала лучше всего работалось за столиками парижских кафе, но в конце концов он «изменил» им с конторкой⁹.

Тот же предмет мебели наилучшим для письма считал и Константин Симонов¹⁰.

Генрик Ибсен без конца рвал на мелкие клочки ненужные бумаги и газеты.

Федерико Феллини, работая над сценарием, рассыпал на столе две сотни шариковых ручек и фломастеров, а поля страниц покрывал изображениями женских попок. Недаром кто-то сказал, что «когда мужчина видит симпатичную женскую попку, у него за спиной вырастают крылья».

Жорж Сименон¹¹ составлял план будущего произведения на почтовом конверте желтого цвета и лишь после этого са-

⁹ Конторка – письменный стол для работы стоя или сидя на высоком стуле.

¹⁰ Константин Михайлович Симонов – русский советский прозаик, поэт, драматург, киносценарист, общественный деятель, журналист и военный корреспондент.

¹¹ Жорж Жозеф Кристиан Сименон – бельгийский писатель, один из самых знаменитых в мире представителей детективного жанра в литературе.

дился за пишушую машинку.

И в этом весь секрет: неважно, каким свидетелем безумия кажется твой быт – если на выходе получается «Фауст», симфония или «Труп в библиотеке» – значит, ты все делаешь правильно.

Кажется, чем гениальнее человек – тем более нелепым, трогательным и упрямым становится его способ начать творить. Кто-то чистит обувь до призрачного блеска, кто-то ест сыр, кто-то надевает монашескую рясу и вызывает вдохновение, как духов. Кто-то ждет угроз штрафа, кто-то облачается в нелепые панталоны и торжественно открывает тетрадь. Так рождаются книги, симфонии и гениальные картины: не из божественного озарения, а из привычки, костюма и легкого невроза. И все это – лишнее подтверждение, что муза любит тех, кто любит ритуалы. Или хотя бы тех, кто умеет красиво волноваться перед началом творческого акта.

Комментарий психолога. О чудачествах гениев

Талантливые люди часто отличаются интересными, хотя подчас очень странными для обывателя привычками и ритуалами. Такие чудачества служат для них способом сконцентрироваться, вдохновляться или сохранять творческий подъем.

Почему для повышения продуктивности родился тот или иной ритуал, стоит разбираться с личной историей каждо-

го гения отдельно. Лишь после глубокого анализа можно понять, какие именно образы и действия служили для него импульсом для созидания и почему. Однако в основе лежит один и тот же механизм – чередование психического напряжения и расслабления, которое стимулирует прилив сил и творческой энергии. Кто-то из упомянутых гениев добивался подобного эффекта с помощью резкой смены внешней температуры (ледяная или, наоборот, горячая вода), кто-то – ограничивая доступ кислорода или солнечного света, кто-то с помощью запахов, а кто-то – ритуальных действий, одежды, которые ассоциативно и бессознательно возвращали их к знаковому событию, где и был пережит опыт чрезмерного напряжения или сброса психической энергии.

И кстати, если знать, что именно служит для вас стимулом к расслаблению, то и будучи обычным, по меркам гениальности, человеком, можно не только легче проживать стрессовые ситуации, не допускать выгорания, но и обрести ключ к собственной суперсиле для вдохновения и энергетической перезагрузки. Но об этом – в конце главы.

Как писали гениальные психопаты?

Поговорим про почерк...

Что это было: магические заклинания или психотерапия для великих умов? Возможно, все сразу. Гении – существа мнительные, редко рациональные в быту и почти всегда одержимые. Вдохновения они не ждали – его вызывали, вытягивали, вымораживали, запаривали или завяливали в ящике стола. Главное – чтобы пришло.

Еще будучи студентом колледжа, известный американский писатель прошлого века Натаниэль Готорн написал одному литератору письмо, в котором признавался в сокровенном желании связать свою жизнь с литературой, и заканчивал письмо следующими словами: «Что же вы думаете о моем стремлении стать писателем? В этом я уповаю на вашу помощь. Мне кажется, что мой абсолютно неразборчивый почерк сильно говорит в пользу моего явного призвания стать таковым...»

Писателем, причем хорошим, Готорн стал, однако трудно сказать, в какой степени этому способствовал его плохой почерк.

Рукописи Виктора Гюго представляют собой что-то вроде битвы на бумаге, в которой все прежние участники сражения – слова – вычеркнуты, а новые рекруты двинуты в чем

удобно, только не в военном порядке.

Лорд Байрон своими почти нечитаемыми каракулями исписывал лист за листом, а все вставки добавлял в гранках, которые в результате становились вдвое длиннее оригинала.

Редко какой другой штрих человеческой природы кажется таким личным, узнаваемым и в то же время загадочным, как почерк. Он выдает многое. Почерк может быть педантично выверенным, вылепленным, как архитектурный чертеж, – или истерически рваным, угловатым, наклонным, будто автор торопился выбросить мысль на бумагу раньше, чем она догорит в голове.

У Ницше, например, почерк становился все менее разборчивым по мере прогрессирования его ментального состояния и ухудшения зрения.

Почерк Ван Гога – это почти визуальное безумие: углы, перескоки, амплитуды – прямая проекция творческого жара.

А Кафка? Его аккуратные, почти школьные буквы – тревожный контраст с масштабом внутреннего абсурда и отчаяния, проступающего в каждом абзаце.

На самом деле графология (наука или околонука, как кому больше нравится) давно предлагает читать личность по почерку. Психологи допускают, что нестабильные, тревож-

ные или чрезмерно контролирующие личности часто «проговариваются» в угле наклона букв, в хаотичности нажима, в разбросанности полей.

Гениальные психопаты – отличная иллюстрация этой теории. Их почерки будто сами ищут границу – эстетики и функциональности, логики и импровизации, контроля и потока. Почерк становится не просто инструментом, а отпечатком творческого огня.

Но, пожалуй, еще интереснее не то, *как* они (гении) писали, а *как* заставляли себя писать.

Все чаще, изучая личные архивы, дневники, письма и мемуары великих, мы обнаруживаем не вдохновение – а дисциплину, почти навязчивую. Морис Метерлинк, поэт, мыслитель и философ, каждое утро строго садился за письменный стол и сидел три часа. Не потому что приходила мысль – наоборот. Даже если не приходила ни одна. Он выжидал, как сторож на посту, готовый поймать хоть проблеск. Это был особый ритуал, понятный лишь посвященным.

Вирджиния Вулф писала стоя, Конан Дойл – в перерывах между приемами пациентов. Бальзак пил двадцать чашек кофе за ночь, чтобы оставаться бодрым, и писал до изнеможения. Томас Манн вставал каждый день в 9:00 и соблюдал часы работы, как бухгалтер соблюдает налоговый режим.

Гении, как ни странно, писали не в порыве. Они писали – несмотря ни на что. Несмотря на свои состояния, страхи,

отчаяние и странности. У них просто не было выбора.

Писать было способом собрать себя – и удержать от распада.

И возможно, одна из самых главных меток гениального психопата – это вовсе не нестандартные идеи, не безумный темп речи и даже не гениальный почерк. Это готовность сесть за стол – даже когда внутри все кричит, что это бессмысленно.

И писать. Каждый гребаный день.

Чтобы не сойти со своего пути и писать каждый день, гении придумывали для себя массу ритуалов, которым следовали, как божьим заповедям.

Так, Оноре де Бальзак, одержимый не только кофеином, но и костюмами, ежедневно облачался в монашескую рясу, прежде чем взяться за перо. Вероятно, он считал словесный труд не просто ремеслом, а почти обрядом. И чтобы призывать фразы из бездны подсознания, имел полное право выглядеть как маленький литературный орден.

Александр Дюма-отец был весьма разборчив в выборе бумаги и чернил. Свои многочисленные романы писал только на бумаге небесного цвета и исключительно черными чернилами. Стихи же (отдал дань и поэзии) – только на желтой бумаге. Наконец, своим многочисленным возлюбленным неистовый «мавр», как его называли, писал письма на бума-

ге фисташкового цвета фиолетовыми чернилами.

Сын гения, унаследовавший творческий пыл от отца и, видимо, страсть к театрализованной повседневности, выбирал для творческой работы вдохновляющий живописный наряд: Дюма-сын, садясь писать, непременно надевал панталоны зуава и фланелевую рубашку. Его одежда говорила: «Я сейчас напишу нечто чувственное, мятежное и, вероятно, в трех действиях».

Джон Мильтон¹² не написал ни строчки своего «Потерянного рая», иначе как облеченный в старый шерстяной плащ.

Жорж-Луи Леклерк Бюффон¹³ работал всегда одетый строго по этикету: с жабо, кружевными рукавчиками и со шпагой на боку.

Карел Чапек писал на четвертушках бумаги; причем стопка их всегда лежала наготове – писал обыкновенным стальным пером на деревянной ручке, которая, скорее всего, помнила еще его гимназические годы. Ручкам с вечными перьями писатель не доверял, пишущим машинкам – тоже. Свои четвертушки Чапек покрывал ровными строчками, не отто-

¹² Джон Мильтон – английский поэт, политический деятель и мыслитель; автор политических памфлетов и религиозных трактатов.

¹³ Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон или просто Бюффон – французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века. (Прим. ред.)

ченного каллиграфического, но, можно сказать, школярского почерка, вполне разборчивого, с буквами, стоящими вертикально.

Анатоль Франс как истинный эстет никогда не утруждал себя такими приземленными вещами, как покупка бумаги. Писал на всем, что оказывалось под рукой: поперек старых черновиков, на обратной стороне счетов и квитанций, на приглаательных билетах – в общем, на чем угодно, лишь бы не устраивать лишнюю организацию быта. Зато по-настоящему важным считал атмосферу. Когда работал над «Жанной д'Арк», забил комнату под завязку средневековым реквизитом – почти косплей в масштабе интерьера. Закончил – и не стал устраивать склад и великодушно раздал реквизит друзьям. Новомодные стальные перья? Нет, merci. Франс до самой смерти писал исключительно гусиными перьями – традиции, понимаешь, важнее прогресса.

Кстати, насчет перьев у Оноре де Бальзака было собственное мнение: только вороны! Их он изводил пять дюжин за месяц. Если бы писательство отдавало фетишизмом – Бальзак бы писал манифест.

Великий мастер афоризмов, непричесанных мыслей и фразек¹⁴ Станислав Ежи Лец набрасывал то, что ему при-

¹⁴ Фразка – это литературный жанр короткой юмористической поэмы, а в пере-

ходило в голову, на салфетках в ресторане или обрывках бумаги («По опыту орнитологов: чтобы писатели могли расправить крылья, им нужно дать свободу пользоваться перьями».)

Но все эти системы, ритуалы и обряды в конечном итоге сводились к одному – к тексту на бумаге. К почерку. Он становился итогом, следом, термометром внутреннего напряжения.

Почерк – это последний отпечаток без фильтра. Мы видим его – таким, каким он проживался: со скрежетом, иногда заносчиво, иногда меланхолично, порой дрожащей рукой бессонной ночи или выверенной линией утренней ясности.

Иногда почерк менялся прямо в тексте: от стройных строчек – к резкому обвалу, как это было у Ницше в письмах перед окончательной потерей разума. Или, как у Свифта, становился все более тяжелым, угловатым, будто разум сражался с телом. Это своего рода графологическая исповедь – без попыток впечатлеть, просто потому что рука пишет честнее головы.

Почерк – это биография в режиме реального времени. И если смотреть на нее внимательно, можно услышать, как именно сходила с ума гениальность.

носном смысле – мелочь или пустяк. Термин происходит от итальянского *frasca* (безделушка) и французского *frasque* (шалость). В контексте сноски это слово может означать пустяк или быть ошибкой при оформлении, где «фрашка» не является корректным термином, а вместо него обычно используются цифры в скобках, указывающие на источник.

Уильям Теккерей писал мелким, но аккуратным почерком, который могли разобрать лишь избранные, да и то с трудом. Однажды он сказал, что стал бы писать текст молитвы «Отче наш» на ногте большого пальца для неграмотных крестьян на рынке, если бы потерпел неудачу в литературе.

Почерк у Чарльза Диккенса был таким же микроскопическим, как и у Теккерея, к тому же и очень неряшливым, причем он всегда писал синими чернилами на синей бумаге.

Английский писатель Сидней Смит признавался друзьям: *«Мой почерк похож на кучу муравьев, выползших из бутылки с чернилами, которые проползли по бумаге, забыв обтереть лапки».*

Однажды французский писатель Жюль Жанен так и не смог выполнить просьбу наборщика расшифровать собственную рукопись и, отчаявшись, сел за стол и переписал ее заново.

Наборщики отказывались работать над рукописями Бальзака и лишь за двойную плату соглашались мучаться над ними, но не более одного часа в день.

У Мишеля де Монтеня¹⁵ был настолько плохой почерк,

¹⁵ Мишель де Монтень – французский писатель и философ эпохи Возрождения.

что пришлось нанять секретаря, у которого, правда, он оказался еще хуже, и в результате подобной «несовместимости» некоторые части его итальянских дневников остаются нерасшифрованными по сей день...

Агата Кристи вообще страдала дисграфией – неспособностью записывать текст. Все ее произведения надиктованы.

Ганс Христиан Андерсен до конца дней писал со страшными грамматическими и орфографическими ошибками. Особенно тяжело дело обстояло со знаками препинания, и он тратил огромные деньги на девушек, которые переписывали его сказки перед тем, как отнести их в издательство.

Почерк, как ни крути, – это росчерк не просто пера, но и характера. По нему, как по отпечаткам пальцев, легко составить психологический портрет: где человек пытался контролировать реальность, где уже махнул на нее рукой, где буквы еще держатся в строю, а где – расплзлись, сдались общей усталости бытия.

Есть даже общие закономерности: наклоненный вправо – значит, эмоциональный; размашистый – решительный; сдавленный мелкий – тревожный, но упорный. Конечно, все это не гарантирует шедевра на выходе – но иногда почти обещает раскрыть интересную биографию.

Теперь, зная, как писали гении, как стонали, пили кофе, перепоясывались шнурами, писали на старых квитанциях и

сидели часами в ожидании музыки, — мы можем увидеть: их гениальность проявлялась не только в идеях. Она проступала даже в почерке — упрямом, странном, нервном. Так что, возможно, между витиеватым завитком буквы «з» и закорючкой на «у» скрыта не только душа автора... но и диагноз. Или хотя бы легкий намек на него.

А теперь спросим у специалиста — можно ли действительно прочесть гениальность по почерку, или мы все-таки слишком романтизируем каракули гениальных психопатов?

Комментарий психолога. О чем говорит почерк?

Что такое почерк? Это индивидуальный стиль, особенности написания букв и символов, присущие каждому человеку, умеющему писать. Графология — наука, изучающая почерк, стремится вывести взаимосвязи между спецификой почерка и определенными личностными характеристиками. Например, ее последователи считают, что размер букв, их наклон, сила нажатия и другие черты могут описывать эмоциональность, аккуратность, энергичность человека и т. д. Однако графология не является научной и строго доказательной дисциплиной, ее результаты не всегда могут быть однозначными или точными.

На почерк, безусловно, влияют текущее настроение, усталость, условия письма и множество других внешних обстоятельств, таких как навыки письма и образование. Что каса-

ется связи между талантом и качеством почерка, по мнению тех же графологов, она весьма условна. Особенности почерка известных талантливых людей, конечно, свидетельствуют о более активном восприятии мира, нестандартности мышления и живости внутреннего мира. И все же не стоит отождествлять качество почерка с компетентностью, а тем более сильно полагаться на графологию при суждении о личности человека в целом.

Великие собиратели великих мелочей

Говорят, гений должен быть немного странным. Или хотя бы увлеченным настолько, чтобы окружающие начинали задаваться вопросами. Особенно это касается темы коллекционирования – извечного стремления собрать, систематизировать, разложить по полочкам... что угодно: от старинных эфесов до фантиков от мятных конфет.

Был такой знаменитый русский баталист Василий Верещагин. Казалось бы, человек, тонко чувствующий боль войны, весьма серьезный – а в перерывах между эпическими полотнами сражений с удовольствием коллекционировал оружие и предметы быта народов Средней Азии. Видимо, чтобы не просто рисовать войну, а буквально осязать ее.

Герберт Уэллс, прорицатель прогресса и автор «Войны миров», всю свою взрослую жизнь с детским энтузиазмом собирал... оловянных солдатиков. Судя по масштабу фантазии – армия у него там была вполне себе межгалактическая.

Физиолог Иван Павлов, тот самый, с собаками и условными рефлексами, до преклонных лет был большим любителем игры в городки¹⁶ и считал ее отличным способом разви-

¹⁶ Городки – старинная русская игра, в которой участники, бросая специальную биту, выбивают из «города» (квадрата размером 2 на 2 м) фигуры, составленные

тия координации движений, считал себя большим поклонником «мужицкой забавы» и даже выступал как капитан городошной команды Института экспериментальной медицины. Впрочем, это не мешало ему развивать науку. А вдобавок Павлов коллекционировал почтовые марки. С какой целью он коллекционировал марки? Науке это неизвестно!

Филателия вообще, судя по всему, – нишевое хобби великих. Ей предавались полководец Михаил Фрунзе (в перерывах между революцией и военными кампаниями), полярник Эрнст Кренкель (судя по записям, брал марки в экспедицию, чтобы не забыть, как выглядит цветной мир), а также политики – президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Индии Джавахарлал Неру. Глобальные лидеры, которые руководили странами и одновременно спрашивали у друзей: «А у тебя случайно нет шведской серии 1933 года?»

А вот еще два персонажа, у которых страсть к накоплению приняла изысканную форму. Поэт Франческо Петрарка – тот самый, что воспевал Лауру и тоску по недостигаемой любви, – был вдобавок заядлым нумизматом. В перерывах между написанием сонетов он с азартом искал античные монеты, перебирал денарии и сестерции с таким же трепетом, с каким в стихах касался аллегорий. Его любовь к древнеримскому наследию была настолько искренней и навязчивой, что неуди-

вительно: монеты в руках Петрарки, вероятно, дрожали от восторга.

Петр I, как водится, шагал шире. Его нумизматическая страсть сочеталась с государственным размахом. Он собирал монеты не просто так, а с целью изучения истории государств и систем денежного обращения. Монетная коллекция Петра могла бы служить каталогом по истории Европы – если бы он не был так занят реформами, то вполне мог бы стать первым нумизматом-энциклопедистом. А может, всю свою реформаторскую страсть он и начал с того, что разглядывал на римских денариях профили императоров и думал: «Вот бы и у нас так...»

Когда поэт и император сходятся в любви к старинным деньгам – это уже не просто хобби, а культурная трансформация в действии. Это вам не копить на черный день – это собирать на вечность.

Химик Александр Бутлеров в своей страсти к коллекционированию пошел еще дальше – не просто собирал бабочек, но и получил ученую степень за тщательно классифицированный архив насекомых. Приятно видеть, что человек, придумавший структурные формулы, и к крыльям относился с нескрываемым пиететом.

Гёте, между тем, коллекционировал... фиалки. Впрочем,

делал это в своем поэтическом стиле: не просто срывал или сажал, а буквально засеивал окрестности родного Веймара семенами, превращая пригороды в фиолетовые сады. Поэтому в знак благодарности называли цветы фиалками Гёте. Хотя, возможно, он рассчитывал тайно прославиться и в ботанике.

Если пройти по теневой стороне страсти – тут нас ожидает Евгений Баратынский, один из самых утонченных лириков Руси, которого однажды изгнали из Пажеского корпуса за... воровство. Какими именно объектами он вдохновился – история не сохранила, но, судя по тому, как писал – тащил он с душой.

А еще – великий Шекспир, про которого современники уверяли: занимался браконьерством, охотился на оленей на землях сэра Люси без разрешения. Что ж, у каждого поэта свое вдохновение: кого-то вдохновляет луна, а кого-то – жирный олень под покровом ночи.

Все эти страсти – марки, бабочки, солдатики, фиалки, олени – на первый взгляд могут выглядеть причудой. Однако коллекционирование – не только каприз или компенсация. Это еще и зеркало психики, порой – очень аккуратно отцентрированное. За каждой витриной с экспонатами – характер, мотивация, а иногда – тревожность или же просто желание упорядочить хаос мира. А некоторые пытаются сохранить кусочек детства в банке с марками и надписью «не

трогать – личное».

Так может, гениальность – это просто форма тщательно классифицированного безумия?

Спросим об этом у психолога.

Комментарий психолога. Откуда берется страсть к коллекционированию?

Коллекционирование – говорящее хобби, которое многое может рассказать о человеке, опять же в контексте его личной истории. Кто-то собирает просто потому, что нравятся определенные предметы, у кого-то они вызывают приятные воспоминания, а кто-то из-за любви к азарту и в погоне за чем-то необычным, эксклюзивным. Ученые предполагают, что стремление к коллекционированию происходит от древнего занятия – собирательства. Наши предки, пытаясь выжить в суровых условиях дикой природы, накапливали все, что могло пригодиться для жизни, – ягоды, грибы, корни и многое другое.

Для большинства упомянутых коллекционеров род их хобби был способом восполнить эмоциональные ресурсы, сменить деятельность, переключая психику.

Современными учеными недавно был проведен так называемый эксперимент Oddball. С его помощью исследователи проследили активность в головном мозге, используя функциональный аппарат магнитного резонанса. Участни-

кам демонстрировали ряд обычных объектов, сменяющихся необычными. Определенные области их мозга загорались при виде необычных объектов. Вывод: коллекционирование – в первую очередь стремление к уникальному. А сама деятельность стимулирует мозг в областях, связанных с центром удовольствия.

Еще один мотив, побуждающий людей к коллекционированию, – гордость за приобретение уникальных предметов. Воодушевление усиливается за счет выявления редкого предмета, который отличает нас от других, может вызвать признание и восхищение со стороны окружающих. А гении до этого, как известно, весьма охочи!

Психоаналитики же, которые в любом человеческом поведении видят сексуальную подоплеку, считают коллекционирование компенсаторным фактором, срабатывающим в критические фазы сексуальной эволюции. Через стадию активного коллекционирования проходят практически все дети в возрасте от семи до двенадцати лет. Затем страсть к собирательству обычно пропадает, но нередко вновь появляется, особенно у мужчин после сорока. Иначе говоря, в те периоды, когда человек еще или уже не в силах реализовать свои сексуальные влечения, он заменяет их страстью к манипулированию предметами, к их накоплению и упорядочению.

Доктор Ричард Готлиб из Нью-Йоркского психоаналитического института доказывает: страсть к коллекционированию часто возникает у тех, кто в детстве или юности пере-

жили расставание с близкими или их предательство и с тех пор боятся положиться на кого-либо в межличностных отношениях. Обладание вещью, которая не может бросить или предать, заменяет общение с людьми, дает ощущение спокойствия, безопасности и уверенности.

Кроме того, собирательство и коллекционирование – один из способов справиться с психическим напряжением, своего рода попытка систематизации окружающего мира. Разыскивая предметы, информацию, представляющие особый интерес, приобретая их, систематизируя, мы испытываем чувство контроля в бушующем непредсказуемом мире, который талантливые, тонко чувствующие люди ощущают особо остро и воспринимают как небезопасный, часто неосознанно.

Однако коллекционирование может принимать экстремальные формы и превращаться в патологическое накопительство, становящееся навязчивым и негативно влияющее на жизнь и функционирование человека. Но в случаях упомянутых гениев оно скорее имело терапевтический эффект – давало опору и ощущение контроля.

Хочу и буду: хобби гениальных психопатов

Слово «психопат» мы, конечно, употребляем исключительно с нежностью. Ибо кто еще, как не персонажи с легким (или не очень) налетом эксцентричности, может одновременно двигать прогресс, дирижировать судьбами наук и... варить отличное малиновое варенье? Или галстуки завязывать с философским подтекстом?

Гении – как дети: когда не исследуют мир, они в него играют. Только игры у них соответствующие – вместо кубиков им подавай чемоданы, виолончели и спирт!

Что, скажите, могло вдохновлять крупнейшего хирурга России Николая Склифосовского? Думаете, его можно представить только в операционной – скальпель, анатомия, учебные тексты? Но нет. Склифосовский был страстным садоводом. Где-нибудь между удалением селезенки и медицинским консилиумом он заботливо окучивал грядки, лелеял розы и, как свидетельствуют современники, играл на виолончели на уровне добротного оркестранта. Вот уж действительно, взмахни скальпелем днем, а смычком – по вечерам.

Тачать¹⁷ сапоги любил во время отдыха от литературных

¹⁷ Тачать – устаревший термин в сапожном и портновском деле: значит *шить*

трудов Лев Толстой. Близко знавшие его люди утверждали, что автор «Войны и мира» владел еще дюжиной специальностей. Сначала граф начал собственноручно пахать землю, собирая этим зрелищем толпы крестьян, которые чесали затылки и спорили промеж собою: спятил барин или просто чудит с перепоею? Затем отец русской интеллигенции оделся как босяк и пошел в село к своим крепостным – погутарить об их нуждах и печалях. Оробевшие мужики попрятались в сене от греха подальше, а великий писатель махнул рукой на попытки понять крестьянскую душу и занялся изготовлением сапог, которые раздаривал родственникам и знакомым. Его зять М. Сухонин держал подарок тестя на книжной полке, рядом с «Войной и миром».

А что делал Дмитрий Иванович Менделеев? Человек-таблица. То есть, конечно, периодическая система. И тут выясняется, что кроме отличных формул он выдавал не менее отличные чемоданы. Настолько солидные и надежные, что за ними выстраивались очереди из путешествующих промышленников, профессоров и особенно – ценителей ручной клади. Под чуткой рукой химика чемодан становился не просто емкостью для вещей, а хранилищем научных истин и чисто русской надежности. А уж когда он разработал стандарт крепости для русской водки – градус доверия значительно повысился.

Француз Оноре де Бальзак, признанный виртуоз много-словия и диагност человеческих страстей, вдруг резко сдвинул фокус с душ – на галстуки. Seriously: однажды он издал книгу «Искусство завязывания галстука в шестнадцать уроках». Там он (без иронии!) утверждал, что по форме и узлу галстука можно безошибочно определить характер человека, сферу его деятельности и, вероятно, счет в банке. А еще – всегда снимал шляпу, когда говорил о себе. Так сказать, жест вежливости и преклонение перед собственной гениальностью.

Александр Дюма, между тем, питал слабость... к кулинарии. Пишет, пишет роман – кровь, шпаги, беготня по Парижу – и вдруг пауза: тушится бульон. В какой-то момент не выдержал, отложил «Графа Монте-Кристо» и принялся записывать кулинарные размышления, которые позже составили увесистую и весьма изысканную кулинарную энциклопедию. Судя по рецензиям, читать было вкусно.

Что объединяет всех этих разносторонне талантливых, слегка заикленных и глубоко одержимых личностей? Хобби. Иногда полезное, иногда абсолютно бесполезное, но всегда – глубоко личное. Что-то, что не нужно оправдывать, доказывать, монетизировать. Что-то, что можно делать просто потому, что... хочется.

Психологи давно заметили: у хобби есть своя терапевти-

ческая сила. Накопление монет, выращивание роз, страсть к чемоданам или сочинению рецептов – это способ дать мозгу отдохнуть от основного труда, но при этом не выключаться совсем. Это как переключение передач – с пятой на нейтральную. Без хобби великому уму грозит перегрев. А с ним – он может и романы писать, и галстуки завязывать, и водку измерять, и опыты ставить.

Знаменитому философу Фридриху Ницше приписывается следующее высказывание по теме:

«Хобби – это внутреннее спасение от внешнего мира».

Итак, если вы вдруг заметили за собой непреодолимую тягу к коллекционированию чайных этикеток, резьбе по дереву или составлению каталогов облаков – не беспокойтесь. Вероятно, это просто ваш внутренний гений тихонько вышел на прогулку.

Если одарен – то во всем?

Психология многих талантов

Удивительное дело: многие из тех, кого мы привыкли считать «гением в чем-то одном», обладали десятками, а то и сотнями способностей. И не просто знаний – а особым типом пластичности сознания, способностью к творческой метаморфозе. «Почему ему дано так много, а мне – так мало?» – негромкий вопрос, который сопровождает такие биографии.

Но есть ли у этого феномена психологический механизм? Почему одаренность не локализуется в одной точке, а словно разворачивается, как многослойная мелодия, в целую полифонию талантов?

Чтобы пояснить нашу мысль, рассмотрим такую многогранную личность, как Леонардо да Винчи – пожалуй, самый одаренный из всех одаренных. Мы знаем его прежде всего как великого художника, а ведь он был просто кладом уникальных талантов.

Итак, Леонардо да Винчи был:

- анатомом, препарировавшим тела с хирургической точностью;
- инженером, разрабатывавшим летательные аппараты;
- архитектором, спроектировавшим города будущего;
- создателем театральных машин и зрелищ;

- музыкантом-импровизатором, обожаемым правителями;
 - писателем, оставившим дневники на тысячи страниц...
- А еще: математиком, философом, механиком, астрономом, геологом, прекрасным пловцом, фехтовальщиком, наездником, танцором...

Что делает фигуру Леонардо уникальной? «Расширяющееся я» – особый тип личности, для которого пределов не существует. Он не просто интересовался всем – он отказывался быть кем-то одним. Его идентичность была в бесконечном самопреодолении: начал картину – ушел в математику; сделал научное открытие – сбежал в музыку.

Его творчество представляет собой особую форму мышления. В психологическом плане Леонардо иллюстрирует диффузную, но стабильную идентичность, в которой личность строится не вокруг профессии, а вокруг процесса узнавания и преобразования.

Такие люди наращивают себя, как нейронную сеть. Их мышление – система, их мотивация – тяга к сложности, их стиль – синтез искусства и науки.

Похожую многомерность проявляли и другие гениальные психопаты.

Роберт Броун был биологом и физикой совершенно не интересовался. Но, как ни странно, его вклад в историю как раз этой науки оказался значительным. Однажды, когда он уже

положил пыльцу под микроскоп, его отвлекли. К микроскопу Броун вернулся не раньше, чем через час. И если до этого движение под микроскопом он относил к тому, что пыльца еще живет, теперь это его поразило. Чтобы доказать, что движение не является признаком жизни вещества, он взял явно мертвое, по всеобщему мнению, вещество – глину. И тоже обнаружил движение. Будучи настоящим ученым, провел необходимые исследования, сделал выводы, опубликовал знаменитую статью об открытии физического явления «броуновское движение» и, снова забыв о физике, спокойно вернулся к своей биологии.

Беранже¹⁸ более гордился неизданными еще историческими сочинениями, нежели своими неподражаемыми песнями.

Физик, математик, механик и астроном Ньютон ставил алхимические опыты и комментировал Библию.

Богослов и поэт Абеляр был руководителем и преподавателем парижской школы Нотр-Дам. Большинство европейской интеллигенции того времени училось у него. Из школы вышло 50 епископов, 19 кардиналов и один папа.

Поэт Мильтон написал теологический трактат, историю

¹⁸ Пьер-Жан де Беранже – французский поэт и сочинитель песен, известный прежде всего своими сатирическими произведениями.

Англии, издал учебники логики и латинской грамматики и собирал материалы для большого латинского словаря.

Физик Томас Юнг занимался расшифровкой египетских иероглифов; физик Резерфорд получил Нобелевскую премию по химии.

Композитор и химик Бородин имел еще и степень доктора медицины, был избран академиком военно-медицинской академии, основал первые в России женские врачебные курсы и преподавал там.

Директор физико-технического института, математик Гельмгольц – автор основополагающих трудов по физиологии слуха и зрения.

Лауреат Нобелевской премии мира врач Альберт Швейцер имел докторские степени по философии, богословию, музыке, праву и был признанным специалистом по творчеству Гёте.

А поэт Гёте был известен в научных кругах трудами по оптике, минералогии, ботанике, анатомии, астрономии и метеорологии.

Драматурги Шекспир, Мольер, Николай Островский, Ев-

гений Шварц и Михаил Булгаков блистательно выступали на сцене. Станиславский уговаривал Бунина играть Гамлета. А актриса Сара Бернар за свои скульптурные произведения получила 2 золотые медали Парижского салона.

Королева Виктория, прочитав «Алису в Стране чудес», пришла в восторг и немедленно велела доставить ей другие книги некоего Льюиса Кэрролла. Каково же было ее разочарование, когда вместо волшебных сказок и разговоров с Белым Кроликом ей принесли тома по высшей математике.

Знаменитый русский поэт Валерий Брюсов считался одним из самых разносторонних людей своего времени. Помимо поэзии, он выступал как критик и литературовед, редактор и издатель, историк культуры, языковед (знал множество языков, включая латынь, греческий, французский, английский, немецкий, армянский и многие другие) и филолог, а кроме того, преподавал математику.

Человеческая природа жаждет ясности: нам хочется, чтобы человек был понятным и цельным, желательно – в пределах одной профессии или одного жанра. Поэт должен быть поэтом, инженер – инженером, сказочник – сказочником. Мир так устроен: он любит ярлыки. И так же плохо переносит тех, кто выходит за пределы. Спросим у психолога, какую цену платят гениальные психопаты за свои многоликие

таланты?

Комментарий психолога. Цена многоликого таланта

Существует особенный тип людей, у которых один талант почти всегда ведет за собой другие. У таких людей мышление устроено по принципу разветвления, не линейно, а радиально. Они будто действительно воспринимают реальность сразу в нескольких измерениях: ассоциативно, образно, технически, телесно. Их внимание постоянно мигрирует между областями, и в каждой – на удивление продуктивно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.